

АННА КУВАЙКОВА
ЮЛИЯ СОЗОНОВА
**МАНТИКОРА
И ДРАКОН:
ВЕРНУТЬСЯ И ВЕРНУТЬ
ЭПИЗОД I**

Наши там (Центрполиграф)

Анна Кувайкова

**Мантикора и Дракон:
Вернуться и вернуть. Эпизод I**

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кувайкова А. А.

Мантикора и Дракон: Вернуться и вернуть. Эпизод I /
А. А. Кувайкова — «Центрполиграф», 2018 — (Наши там
(Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08339-5

Смерть – это конец. Или только начало? А если тебе дадут шанс вернуться назад?.. Корана аль Эйран давно поняла: с судьбой спорить бесполезно. И если у неё в планах для тебя только верная гибель, избежать её не сможет никто. Но когда один из первых Древних сделал одно заманчивое предложение, она не смогла отказаться. Вот только не окажется ли цена за её возвращение слишком высокой? И какие ещё испытания ждут впереди?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08339-5

© Кувайкова А. А., 2018
© Центрполиграф, 2018

Анна Кувайкова, Юлия Созонова

Мантикора и Дракон: Вернуться и вернуть. Эпизод I

© Кувайкова А. А., Созонова Ю. В., 2018

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

Горный хребет Хазар, недалеко от города Миоус

Ней'рат

Ночь сегодня выдалась тёплой и ясной, с россыпью ярких звёзд на небосводе, рисующих причудливый узор. Редкость для этого времени года, упускать которую не хотелось. Так что, устроившись на балконе со всеми удобствами, я отрешённо смотрел на тысячи ярких точек, пребывая в том самом исключительном состоянии гармонии. Как с собственной въедливой и противоречивой натурой заядлого эгоиста, так и с окружающим меня миром. Учитывая, какими безумными, даже на мой скромный взгляд, выдались последние дни, это ощущение было воистину бесценно.

Впрочем, сидя в кресле на балконе второго этажа, закинув ноги на перила и потягивая из бокала золотистое вино, я готов был любить всех и вся. Ну, до определённого момента конечно же. Пока это было в моих личных интересах.

Коротко вздохнув, я откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза, подставляя лицо под порывы резкого прохладного ветра, всю гуляющего по ущелью. Вот уж и не сказать точно: то ли во мне кровь предков сыграла, то ли природная паранойя постаралась, но выбрать местом для собственного дома небольшую ровную площадку, окружённую со всех сторон не только скалами, но и щитами и чарами, да в самой ж... глубине ущелья, – удачное решение, определённо.

Особенно когда тебе есть что скрывать, кого прятать и нет никакого желания посвящать в свои планы весь остальной мир, да.

Я сощурился, цокнув языком и выстукивая незатейливую мелодию пальцами по подлокотнику кресла. Не то чтобы в моей скромной и светлой голове зрели планы по захвату власти или ещё какая суетливая ересь, но стоит признать, что эти полгода были богаты на события. И только малая часть из них была хотя бы относительно приятна.

Клановые разборки такие... Разборки, едрить их налево. И вникать в суть оных лично мне было лень, да и собственную ранимую психику стоило бы пожалеть. Хотя немного. Так что никто и не удивился, когда я плюнул на всё, скрывшись в уютном и совершенно пустом убежище. Тут хоть никто не вынуждал усомниться в наличии мозгов у собственной родни и не подталкивал на серию садистских, даже с моей точки зрения, экспериментов. Дабы подтвердить или опровергнуть эту теорию, требовалось проверить содержимое не одной беловолосой черепашки, и что-то я сильно сомневался, что у меня найдутся добровольные подопытные кролики...

Даром что драконы.

Я тихо фыркнул, припоминая, какими глазами на меня смотрели сородичи, стоило озвучить вслух эту идею. И да, я не настолько безумен, чтобы действительно это сделать. Но

настолько сволочь, чтобы они в это поверили и с присущей им эмоциональностью решили убить. Что было очаровательно, хоть и бессмысленно.

Мне ещё не так скучно, дабы сидеть сложа лапки, пока меня пытаются отправить за Грань всеми подручными методами.

Отпив ещё вина, цокнул языком. Так что да, предпринять тактическое отступление на заранее оговорённые территории было разумно. Только вот, как это обычно и бывает, мои бережно лелеемые планы отправились в гости к Гекате. Зато жизнь в очередной раз совершила такой крутой поворот, что остаётся диву даваться, за что ж мне такое «счастье». Ведь Хранители сподобились подкинуть скупающему дракону очень... занимательную задачку, если можно так сказать.

Поставив полупустой бокал на пол, я скрестил на груди руки, следя за светящимся шлейфом, оставленным падающей звездой. Будь на то моя воля и благосклонность высших сил, я предпочёл бы не иметь с людьми никаких общих дел. Они были полезны, иногда интересны и в чём-то даже любопытны. Но их суетливость, спешка и попытки изменить неизменное изрядно напрягали. Словно нет у них другой цели, как доказать что-то кому-то. Что они могут обыграть врагов, обмануть саму смерть и перехитрить Хранителей.

Что они вообще что-то могут. В чём я на самом деле искренне сомневался. Потому как в этой вечной гонке люди разучились ценить и замечать то, что действительно этого достойно. Любовь, например. Чудо рождения. Семью. Не-е-ет, они предпочитают убивать себя и себе подобных, искать исключительно материальную выгоду, продаваться за сокровища и игнорировать тех, кто их окружает.

— Лю-у-ди-и... — насмешливо протянул я, нежно улыбнувшись. — Что ещё сказать? И за что я перед Хранителями-то так провинился, а? Я ж вас... презираю. А поди ты...

Вздыхнув, я потёр переносицу, снова уставившись на скопление звёзд над головой. Людей я не любил. Ценил их помощь, если таковая была, не посягал на звание разумных (в чём порядком сомневался), увлекался их эмоциональностью, но не любил. И до сих пор понять не мог, как могли сойтись всё те же демоновы звёзды, чтобы сейчас в моём доме, в гостевой комнате на втором этаже находился человек. Самый настоящий, живой (пусть и относительно), но человек.

Я насмешливо хмыкнул, качнув головой. Даже больше того, это была женщина. Загнавшая себя в ловушку магического пламени на границе земель моих очаровательных алых сородичей. Представлявшая собой больше кусок опалённого мяса, чем живое существо. И тем не менее боровшаяся за свою жалкую короткую жизнь до конца.

Как иронично, что нашёл я её в тот самый момент, когда она уже перестала бороться. Вот уж не знаю, каким не-попутным ветром меня занесло в те степи, но ударивший по нервам ментальный и эмоциональный крик было сложно проигнорировать. А уж когда в дело вступило неистребимое природное любопытство, так и вовсе стало невозможно сопротивляться. И вместо того чтобы убрать свой хвост куда подальше, я спустился на то, что осталось от крупного поселения.

Картинка была... потрясающая в своей мерзости. Магический огонь уничтожил всё. Не скоро почерневшую землю покроет трава, а деревья дадут новые побеги. И ещё дольше разумные будут обходить это место стороной. Слишком много смертей, слишком силен привкус боли и агонии, оседающий золой на пальцах и пеплом на языке. Выжить там не мог никто. Разве что эта самая женщина, с оплавленной белой маской на лице и телом, процентов так на девяносто нуждавшемся в длительном, основательном лечении. Никакой одежды, никаких личных вещей. Только ожоги, уродовавшие кожу, кровь и невероятная по красоте агония обречённого.

Я даже невольно засмотрелся. И только потом понял, что она всё ещё дышит. Редко, поверхностно. А сердце бьётся так медленно, словно нехотя, что, не зная я, где искать пульс, не стал бы и возиться с этим почти трупом. Который, к слову, придёт в себя ещё очень не скоро. А жаль.

Действительно жаль.

Сощурившись на серебряный диск луны, я сладко потянулся, чутко прислушиваясь к царившей в доме тишине. Так, пара хрипов со стороны гостевой комнаты и тихий стон, не более того. И почему-то от этого в груди поселилось лёгкое разочарование, тут же сменившееся предвкушением и ожиданием. Наша раса обладает завидной продолжительностью жизни. Терпение и умение дожидаться нужного момента мы ценим ничуть не меньше силы и знаний. И раз уж меня угораздило притащить в собственный дом полуживого человека, я буду ждать столько, сколько придётся, но получу ответы на интересующие меня вопросы.

Их немало накопилось, да. Даже слишком много, на мой вкус.

Тихий шорох за спиной меня не удивил. Как и обрушившаяся на ноги осязаемая тяжесть, заставившая невольно охнуть. Крупный серый кот с чёрными полосками на шерсти уютно устроился на хозяйских коленях. Он довольно жмурил разноцветные глаза: один золотистый, второй сапфирово-синий, пускал в меня когти и громко, вызываясь низко урчал. А когда не дождался нужной реакции, приподнялся и, нагло фыркнув, поставил передние лапы мне на грудь, ткнувшись усатой мордой в подбородок.

– Мя-о-у! – Протяжный мявк был наполнен непередаваемой смесью ехидства и сарказма. Хотя животным вроде бы не присущи такие эмоции. И, вновь усевшись на колени, эта пакость склонила голову набок, выдав вопросительно: – Мя-а?

– Угу, – кивнул я и стал почёсывать кота за ухом, перескакивая с мыслей о незваной гостье на проблемы, имевшие ко мне самое непосредственное отношение.

Как показала практика, утверждение, что драконы – существа мудрые или хотя бы наделённые неплохими умственными способностями, далеко не так однозначно, как может показаться. И это подтверждали сразу два моих «многоуважаемых» родственника, отличавшиеся не только умом и сообразительностью, но и поразительной способностью видеть не дальше своего собственного носа. Точной информации о том, что оба моих братика умудрились натворить, у меня конечно же не было. Пока не было. Но то, что их хвосты принесут проблемы, отголоски которых аукнутся всем и сразу, это даже не обсуждается. И ведь предлагал же семье прибить паршивцев (хотя бы одного!) самостоятельно, так нет, приходится ждать, когда их накроет если не осознанием, то хотя бы карой за их поступки. И я даже знаю, в кого они такие самоуверенные и непошибаемо упрямые.

Кот, заметив, что я его успешно игнорирую, дёрнул хвостом и впился когтями в живот, легко проколов тонкую ткань и добравшись до кожи. Мой недовольный вопль Рум встретил насмешливым, совсем уж человеческим фырканьем.

– Говорила мне мама: будь хорошим драконом, не экспериментируй с привязкой фамильяра... – беззлобно проворчал я, скидывая паршивца на пол и благополучно пропуская мимо ушей его недовольное шипение.

В конце концов, мести мне всё равно не избежать, так что можно и не церемониться. Увы, когда-то затеянный эксперимент увенчался успехом, даровав данному куску меха частичную разумность и долголетие. А ещё изрядно испоганив обычному домашнему любимцу характер, наградив его повышенной вредностью, нелогичностью и мстительностью. Причём мстил он всегда, не важно за что, и чисто из любви к искусству.

Вот тогда-то я и понял смысл фразы «Весь в хозяина»... Правда, поздно.

Впрочем, была и польза от неожиданного фамильяра. Он вполне успешно гасил стихийные всплески раздражения, ненужные эмоции и иногда помогал контролировать мой буйный нрав. И хотя недостатков всё же было больше, своим питомцем я гордился. Частично, но всё же гордился.

Поднявшись с кресла, я чуть поморщился, поведя затёкшими плечами. И, тряхнув головой, отгоняя все мысли о родственниках, их глупости и возможные последствия оных, не спеша направился в дом. Люди умели создавать проблемы, даже будучи без сознания, на грани жизни

и смерти. Их приходилось без конца проверять, следить, чтобы не отдали душу Хранителям раньше времени, и нельзя было надолго оставить, чтобы не случилась ещё какая-нибудь оказия, грозившая разнообразить и без того нескучную жизнь бедного дракона. Так что, пройдя по полутёмному коридору, я открыл дверь в нужные мне покои и откровенно поморщился, с трудом удержавшись от желания громко и незатейливо чихнуть.

– Ну и атмосфера тут... – пробурчал я, торопясь к окну.

Дышать в комнате было нечем, совсем. Лёгкие разъедали пары зелий, смешавшиеся в воздухе самым причудливым образом. А нос нестерпимо чесался от не до конца осевших взвесей и порошков, грозивших если не удушить меня очередной аллергической реакцией, то отбить обоняние всерьёз и надолго. Так что недолго думая я распахнул створки окна, с наслаждением вдыхая прохладный ночной воздух.

– Да, так определённо лучше, – хмыкнул я, снял жилетку, бросив её на стул, и покосился на замершее тело на кровати.

Хрупкое, сломанное. И на первый взгляд определённо не представляющее никакой ценности. Честно говоря, глядя на то, как мерцает в свете луны сеть опутывающих гостью заклинаний, меняя цвет с золотистого на чёрный и обратно, меня посещает крамольная мысль добить объект лечения. Хотя бы из жалости.

Хотя бы к самому себе. Потому что, судя по всему, определиться самостоятельно, хочет она жить или всё-таки умереть, женщина не может, остановившись где-то на грани. И одним Хранителям ведомо, чего ж мне стоило не пнуть её в одну из сторон на свой собственный выбор!

Тихо фыркнув, я подошёл поближе, кончиками когтей проверяя плетения на прочность и напевая себе под нос колыбельную, когда-то краем уха услышанную в очередном авантюрном приключении среди людей и нелюдей. Ох, и знатно мне тогда по хвосту настучать пытались...

– Давай, спящая красавица, просыпайся. – Убрав с бледного лица пациентки прилипшую к коже прядь волос, я придирчиво осмотрел мелкую сетку шрамов на челюсти и скулах. И скользнул ладонью на холодный лоб, машинально, уже даже привычно стирая отголоски кошмарных видений. – И нет, нет, дорогуша, никаких страшных снов, нервных потрясений и прочей лабуды, не-а. Тебе ещё предстоит ответить на все мои вопросы. Ну, если ты наконец соизволишь определиться между тем светом и этим и проснуться, да.

Проверив ещё раз плетения, я со вздохом разогнулся и направился к кушетке в другой конец комнаты. Жутко неудобной, жёсткой и вообще короткой для моего скромного роста. Вытянувшись на ней, закинув ноги на подлокотник и заложив руки за голову, вновь занялся уж привычным ожиданием, сквозь дрему чутко прислушиваясь ко всему, что происходит в доме.

Где-то на границе сознания мелькнула мысль, что ждать осталось не так уж долго. И она грела куда приятнее, чем рухнувшая на грудь тяжесть, на проверку оказавшаяся вконец потрепавшим всякую совесть фамильяром, решившим в кои-то веки спать вместе со своим хозяином. В разноцветных глазах не было и капли раскаяния, а громкое вопросительное «Му-а?», подкреплённое когтями, впившимися в кожу, только удостоверило в том, что кот взял от меня всё самое лучшее.

Включая подлость и любовь к ближнему своему.

– Сволочь, – беззлобно буркнул я, устраиваясь поудобнее и закрывая глаза.

Кот отозвался насмешливым фырканьем, свернувшись в клубок у меня на животе и тихо мурлыча. Это вместе с рваным дыханием гостии не помешало мне вновь задремать, попутно подумав о том, что когда-нибудь моё любопытство точно до добра не доведёт. Но что поделать, если у такого зверя, как я, оно приобретает воистину гигантские размеры и игнорировать его невозможно?

То, как дёрнулись пальцы человека, я уже не заметил. Лишь лениво отмахнулся от всколыхнувшихся магических плетений, вливая в них больше силы, укрепляя и не давая схлопнуться. После чего перевернулся на бок под недовольное шипение кота и снова уснул.

Корана аль Эйран

Темно. Одиноко. Страшно...

Осознать собственную сжигающую изнутри беспомощность почти... больно. Вокруг – вязкая безграничная тьма, наполненная горьким запахом рябины и горелого дерева. И хочется сбежать, спрятаться, исчезнуть. Лишь бы не чувствовать. Не ощущать острую тоску и непонятное мне сожаление. Будто я потеряла что-то очень важное. Что-то, что не оценить, не измерить в привычных миру ценностях. И не вернуть.

Только вот... что?

Горло сжимает собственный крик, обдирая и выворачивая наизнанку. Я не понимаю. Не могу вспомнить, узнать, понять. До колющей боли в сердце и острых осколков воспоминаний. То ли моих, то ли чужих. Разрозненных, никак друг с другом не связанных и совершенно недостижимых. От этого почему-то становится ещё больнее.

Медленно подтянула колени к груди и обхватила их руками. Вокруг всё та же непроглядная тьма. И видимо, я всё-таки схожу с ума от её всеобъемлющего давления. Потому что мне кажется, что из этой чёртовой темноты на меня смотрят. Десятки, сотни голодных взглядов, только и ждущих, когда я перестану бороться. Когда осознаю, что давно мертва.

Глухой смешок гулким эхом прокатился по окружающей меня пустоте. От него прошлась волна мурашек вдоль позвоночника, оседая липким страхом на коже. И в следующий миг чернота вокруг вспыхнула, расчерченная тонкими трепещущими нитями силы, пронизывающими всё и вся, играющими всеми цветами радуги. От них кружится голова, в глазах двоится и мерцает. Но вместе с ними пришло и такое нежданно-долгожданное равнодушие. Может, я наконец поняла, что умерла?

Подняв голову, скользнула безразличным взглядом по цветному яркому и живому узору. Подвижному, меняющемуся. Он завораживает и манит, притягивает к себе, как огонь легкокрылого мотылька. И неосознанно, забывшись, я тянусь к нему тем, что когда-то было моей душой. Колкие мелкие осколки, засевшие где-то внутри. Они рвутся к этому огню, утягивая меня в такое простое и логичное желание потеряться.

Потеряться навсегда.

С губ сорвался усталый вздох. Боль ушла внезапно, оставив после себя слабость и пустоту. Я не чувствовала ничего. Ни собственного тела, ни размеренно бывшего раненого сердца. И вместо панического желания узнать, найти, понять пришло холодное равнодушие с налётом лёгкой, такой странной и непонятной мне грусти.

Кажется, так уже было. Оглушающее одиночество и беспомощность, пополам с осознанием собственной бесполезности. Жажда отомстить, боль потери и горькое разочарование в своих силах. И чудной незнакомец, предложивший одно желание в обмен...

В обмен на что?

Я съёжилась, спрятав лицо в коленях. Кто это был? Чего я хотела? И что он просил? Столько вопросов и ни одного ответа, лишь отголоски полустёртых воспоминаний. Понимание, укутавшее плечи ледяным пледом обречённости.

Ушедшим за Грань ни к чему всё это. И им незачем что-то помнить.

Студёный ветер прошёлся по обнажённой коже, оставляя обжигающий след. Вздрыгнув, я нехотя поднесла к лицу руку, с холодным, безучастным интересом глядя, как по побелевшей коже стекает тонкая нить мелкой серой пыли. Она растворяется в окружающей темноте. И вместе с ней, я точно это знаю, в этом ничто растворяюсь и я.

Вновь сжавшись в комок, я уткнулась носом в колени. Не хочу думать. Не хочу осознавать. Не хочу... ни-че-го. Словно уход за Грань раз и навсегда разделил меня на «до» и «после». И этому самому «после» ничего уже не нужно. Только чтобы сознание наконец смирилось, прекратив цепляться за жизнь.

Вяло текущие мысли кружились в голове, перескакивая с одного на другое. Я забывала, о чём думала, не знала, что стремлюсь вспомнить. И совершенно точно знала только одно: меня больше нет. Откуда? И снова у меня нет ответа. Просто знание само всплыло в голове, без особых усилий вклинившись в круговорот смазанных, ничем не примечательных осколков моей памяти. Отсекая одно из бесконечных «почему».

– Перерождение – это маленькая смерть... – тихо прошелестел мой голос, тяжёлыми камнями падая в пустоту.

Я хрипло, чуть надрывно хохотнула, цепляя одно знание за другим, возникающие в голове как по мановению волшебной палочки.

Моё проклятие всё-таки меня убило. Перерождаясь, я отдаю своё тело, получаю взамен новое и больно рву всё, что связывало меня с миром, с семьёй, с теми, кто был мне дорог. Но, сгорая и возрождаясь вновь, как чёртов феникс, я слаба и незащищена, я ничего не понимаю и ничего не могу...

Неудивительно, что магический огонь, давно вышедший из-под контроля, поставил окончательную точку в моём слишком коротком жизненном пути. И есть какая-то странная ирония в том, что меня убило моё собственное творение, просто и незатейливо спущенное с крючка.

Ещё один надрывный смешок, пропитанный горечью обречённости. Не мне бороться со смертью. Не мне молить Хранителей, обещая всё, что угодно, за один-единственный шанс вернуться назад. И жалею я лишь об одном. О том, что так и не сказала одному упрямому, ехидному и сильному мужчине, что я... я...

Слова застряли где-то в груди нестерпимой зудящей занозой. Я не помню, как его зовут, кто он и что нас так крепко связало, сшивая две цветные линии в одну. Только точно знаю, что в моём почти остановившемся сердце он занимал не самое последнее место.

Ещё один осколок памяти врезался в разум, не желая стираться и тускнеть. И я не смогла остановить дрогнувшие в намёке на улыбку губы. Мой сын. Мой маленький, ершистый дракончик. Моё персональное, личное чудо не желало отпускать легко и просто, разбирая уже скованный могильным холодом разум болью и тоской.

– Прости, мышонок... – беззвучно прошептала я, машинально взмахнув рукой в нелепой попытке оттолкнуть навязчивые картинки-воспоминания.

И отчаянно захотела поверить в то, что теперь-то у них всё будет хорошо.

Без меня.

Слова гулким эхом разнеслись в пустоте. Я замерла, уткнувшись лбом в колени. Чувство времени тут давно и прочно кануло в Лету, оставляя меня один на один с горькими, пропитанными ядом мыслями, неопределёнными и разрозненными. Сколько прошло секунд, минут, часов – не знаю. Я сидела, обхватив колени руками, и не ощущала ничего.

Ни-че-го.

Кроме разве что почти забытого интереса, глядя, как медленно моё собственное тело осыпается в темноте. Я подставляла обнажённую кожу опаляющему ветру. И забывала обо всём, наконец отпуская всё, чем так дорожила при жизни. Ведь этой самой жизни у меня больше и нет.

Только, видимо, и в смерти мне не будет покоя.

Резкий удар выдернул меня из забытья, заставив жадно хватать ртом воздух, царапая ногтями грудь и горло. Я рухнула на колени, давя рвущийся наружу хриплый крик, не понимая, зачем и за что меня выдернули из блаженного ничто. Собирая заново по мелким кусочкам мой

собственный разум. Не видя ничего из-за пелены слёз обиды, застилающей глаза и не дающей сделать нормальный, полноценный вдох.

Чужие сильные, уверенные руки обняли меня за плечи и дёрнули вверх, ставя на ноги. Тонкие, почти ледяные пальцы, оставляющие горячие следы на нечувствительной вроде бы коже, цепко ухватились за подбородок, задирая мою голову вверх. Было больно, неожиданно так ярко и невозможно. И, разлепив глаза, я смогла посмотреть на того, кто разрушил окружающий меня покой. Сама не зная, почему испытывая острое чувство недоумения.

Ведь это когда-то было.

Я медленно подняла руку, в порыве прикоснуться, но так и не дотянулась до лица, скрытого под маской. Белой, гладкой, без единого изъяна. С изящным растительным серебряным узором, расцветшим от подбородка до чёрного провала глазниц, и бесцветными, обозначенными лёгкой улыбкой губами. Чёрные пряди волос в беспорядке падали на лоб.

По телу пробежала дрожь. Я видела это. Когда-то, где-то... Давно?

Отражение в зеркале и та же безупречная белизна, прятанная много лет за собой моё собственное лицо. Чуткие руки, подгонявшие острые края так филигранно и только для меня. Безумный смехок резанул по ушам, всколыхнув померкшие воспоминания. Я видела это...

Но это ли? Я отрешённо покачала головой, опуская взгляд. Память молчала, не давая подсказки, а желания узнать и не было вовсе. Только усталость, накатывающая лавиной и оседающая свинцом в теле. Я так хочу отдохнуть...

Плечи сжали сильнее, вырывая длинный, болезненный вдох. Всё те же длинные пальцы, узкая ладонь и тонкое запястье, обтянутое светлым бархатом перчаток, с затейливой вышивкой золотом, намеренно давили, насильно заставляя чувствовать и ощущать. Вскинувшись, я вновь уставилась в прорези маски, мимоходом отметив широкие плечи, светлый камзол, распахнутый на груди, и светлую же рубашку.

Незнакомец держал меня крепко. Сдавливал плечи пальцами, пока не увидел на моём лице что-то явное лишь ему одному. Только тогда он разжал пальцы и сделал шаг назад. Легко и небрежно, не скрывая силы и власти, окруживших его незримым плащом. Они манили подчиниться, обещали все блага мира, искушали меня.

И пугала. До сведённых судорогой пальцев на руках. Где-то глубоко в душе я точно знала: от таких, как он, добра ждать не стоит. Слишком разное у нас представление о добре, слишком разное.

Дрожь прошла по спине, сковывая тело. Страх был непривычен и нов, будоража позабытые инстинкты. Тот, кто сказал, что мёртвые не умеют бояться, врал, и врал безбожно. Когда для твоего противника смерть – всего лишь секундное промедление, даже за Гранью не найдётся места, где ты сможешь обрести покой. И та ломающая реальность, подчиняющая себе сила, окружавшая незнакомца, лучшее тому подтверждение.

Как и кончик копья, ненавязчиво выглядывающий из-за мужского плеча. Взгляд машинально скользнул по нему, краем сознания отмечая детали. А память подкидывала один осколок за другим, собирая их в причудливую мозаику. Гладкое древко из тёмного дерева испещрено витиеватой вязью рун. Металлический наконечник неправильной формы – прямоугольный, углублённый с одной стороны и острый, конусовидный с другой. Словно там должно быть что-то ещё, что-то скрытое среди нескольких стыков, невидимых, если не присматриваться.

Медленно сжав пальцы в кулаки, я глубоко вздохнула, вновь переведя взгляд на безликую маску, скрывающую чужое лицо. И выдохнула, хрипло и бессвязно, схватившись рукой за саднящее горло:

– Вы... Кто... вы?

– Я? – Лёгкие нотки удивления и снисходительный смех мужчины прошли в невесомой ласке по натянутым, как канаты, нервам. Он вновь приблизился, не намного, ровно настолько,

чтобы снова цепко ухватиться пальцами за мой подбородок и медленно, почти нежно протянуть: – И это всё, что ты хочешь спросить, дитя? Моё имя?

– Я...

У меня не было ни сил, ни желания вырываться из его хватки. Я смотрела в чёрные провалы глазниц, чувствуя, как безвольно опускаются руки. Как магия, древняя, пропитанная привкусом тлена и смерти, стискивает меня в своих стальных объятиях. Как боль, казалось бы навсегда стёршаяся из разбитой на мелкие куски памяти, вновь вгрызается в тело, душу и разум, заставляя вспыхнуть яркими красками забытые, полустёртые воспоминания. Пропитывая повисшее молчание горьким привкусом потери.

Пальцы дрогнули в бездумной попытке ухватиться за чужую одежду. Тяжело сглотнув, я закрыла глаза, не чувствуя, как по щекам текут горячие слёзы. И одними губами прошептала:

– Отпусти меня... Я так хочу отдохнуть...

– Разве? – Циничный смехок никак не вязался с почти нежным прикосновением тонких пальцев к моей щеке. – Подумай ещё раз, Корана. У тебя есть ради чего жить дальше. Есть те, кто тебе дорог. Те, кого ты так отчаянно хочешь увидеть снова. Разве они не стоят того, чтобы побороться за жизнь, дитя?

В его словах было то, что я хотела услышать и чему не желала поддаваться. Обещание. Искушение. Слишком сильное, слишком всеобъемлющее. И порождающее совсем не нужные цепочки ассоциаций, воспоминаний, острыми краями ранящие моё затихшее сердце.

Мужчина. Я его знаю. Слишком хорошо, чтобы довериться, слишком плохо, чтобы увидеть границу его возможностей. У него глаза как бездна, чёрные и глубокие. И если долго смотреть в них, однажды эта бездна улыбнётся тебе. Вот только для меня в них нет холода и пустоты, только тепло и любовь. Яркая, мягкая, ранимая и крепкая.

Терпкий запах рябины душит, пьянит, заливают сердце тоской. Я знаю его. Это тот, кто пошёл на всё, чтобы стать моим мужем. Тот, кого я люблю. Мой золотой дракон...

Мальчишка. Он тянется ко мне, ластится и спорит. Он протягивает листок бумаги, заглядывая в глаза. Он родной и близкий, намного ближе, чем можно представить. Взорвавшийся воробушек, топорщивший пёрышки в ожидании тепла. Юный художник, опять стащивший очередную карту и без зазрения совести изрисовавший её. Но я лишь смеюсь, зарываясь пальцами в мягкий шёлк тёмных волос.

У него моя улыбка и чудовищное обаяние, доставшееся от отца. Я помню его. Это тот, кого я называю Сердцем матери. Он – мой сын. И я не могу без него...

Три девушки. Разные, непохожие, непримиримые. Они далеки друг от друга, и нет никого ближе и роднее. Они смеются, глядя на ругающегося сквозь зубы мужчину. Но в этом веселье видна особая, родственная нежность. А сам объект насмешек ворчит, язвит и тщетно пытается освободить длинные волосы из цепких лап собственного фамильяра.

Он жалобно посмотрит на дочерей, оставив бесполезные попытки получить свободу. Пушистый клубок на его голове, шур'шун, выдаст довольное «ня», щурясь на солнце. А три девушки, такие разные и непохожие, погрозят зверьку пальцем.

Они видели мои взлёты и падения. Они могут свернуть горы и отправить в гости к Гекате любого, кто попробует покуситься на самое ценное. Они – моя семья, пусть кровного родства между нами и нет. И я скучаю по ним...

Глухой удар сердца отдаётся эхом в ушах. Каждая картинка – игла под кожу, заноза в разуме, не дающая вернуться в блаженное ничто. И чем больше их, тем больше воспоминаний, уже не желавших раствориться в темноте. Бьющих с размаху под дых.

Я знала их всех. Я помнила и людей, и нелюдей. События, встречи, разговоры, взгляды и жесты. Я тонула в эмоциях и чувствах, пронизывающих всю мою жизнь. Были те, кто меня ненавидел, и я платила им той же монетой. Были те, кто обожал и возлагал надежды, строил планы. А были...

Были те, кто меня просто любил. Искренне и сильно. Не за что-то или ради выгоды, а потому, что это я. И не важно, какая я: усталая и печальная, злая и невыносимая, спокойная и терпеливая. Лишь бы всегда возвращалась домой, живой.

– Живой... – Слово сорвалось с языка хриплым карканьем.

Я вздрогнула, обхватив себя за плечи. И крепко зажмурилась, мотнув головой, отгоняя сладкий шёпот искушения, красивую картинку.

Я не сомневаюсь, нет. Только не в них. Они, все они стоят того, чтобы жить, чтобы бороться за свою жизнь, цепляться за неё. Но...

После всего, что было. После всей этой боли. После того, как они меня отпустили. Как, как я могу вернуться?!

– Нет! – Хриплый крик разодрал саднящее горло, сорвавшись с обветренных, искусанных губ.

Не выдержав, я ударила незнакомца в грудь кулаком. Затем ещё и ещё. Я била отчаянно, царапая короткими ногтями гладкую, мягкую ткань. И громко выдохнула, вздрогнув, когда пальцы сдавили подбородок сильнее, намеренно причиняя боль, отрезвляя затуманенное страхом сознание. Бесстрастная белая маска склонилась чуть ниже, опаяя кожу тёплым дыханием. И вкрадчивый, ласковый голос прошёлся острым лезвием по душе, переспросив:

– Нет?

– Нет. – Внутри всё рвалось и противилось этому слову. Я хотела домой, я хотела к семье, я хотела снова почувствовать себя живой. Хотела и... боялась. Так смешно, глупо, совсем неуместно, но всё же боялась. И, растянув губы в болезненной, слабой улыбке, едва слышно проговорила: – Я не могу. Не могу снова причинить им боль...

Удивление собеседника было почти осязаемым. Оно неприятно липло к коже, вызывало толпу мурашек по телу и отдавало чисто научным интересом. Приподняв мой подбородок, мужчина окинул меня нечитаемым взглядом с ног до головы. Потом отпустил и рассмеялся. Легко, чисто, громко, искренне.

– Даже так? – отсмеявшись, поинтересовался незнакомец. В его голосе не было ни капли гнева. Только любопытство с толикой непонятного мне удовольствия. Усмехнувшись собственным мыслям, он очертил кончиком пальца контур моего лица, оставляя почти осязаемый след, и снисходительно протянул: – Ты такая забавная, дитя... Даже сейчас, после собственной смерти, веришь, что у тебя есть выбор. Да, он у тебя действительно есть... Только вовсе не тот, о котором ты думаешь. – Прохладные пальцы легли на шею сзади, притягивая ближе и не давая возможности вырваться из крепкой хватки. – Наш разговор, Корана, это всего лишь дань моему уважению твоей силе воли и тому, как легко ты наступаешь на горло собственной гордости ради других. Это действительно редкость, которую стоит ценить. Но если ты думаешь, что можешь выбирать, принимать мою помощь или нет... Твоё возвращение лишь вопрос времени, которое я готов потратить на уговоры. И поверь, оно далеко не так относительно, как тебе кажется.

Каждое произнесённое слово, казалось, пропиталось магией мужчины. Его силой и властью. Било наотмашь, ломало, подчиняло себе. И мне бы кричать, драться и сопротивляться чужой воле. Отстаивать право на свой сознательный выбор, каким бы ошибочным он ни был даже для меня самой. Вот только я молчала. Смотрела в прорези маски, словно выискивая что-то непонятное, неизвестное, и молчала. Потому что как ни крути, но мой собеседник прав. Я не знаю почему, не знаю, кто он и зачем ему моя жизнь. А если уж быть совсем честной, не хочу знать ни причин его поступка, ни мотивов его действий. От таких предложений не отказываются, такими шансами не разбрасываются. И раз кто-то решил, что я должна вернуться... Значит, я вернусь. Впервые возложив ответственность за свой выбор на чужие плечи. Слишком старательно игнорируя робкий росток надежды, поднявшийся где-то в глубине души.

Говорить не было сил, и вместо ответа я лишь крепко сжала чужую руку, всё ещё державшую меня за шею, прикрыв глаза, признавая своё поражение. И хрипло, едва слышно прошептала:

– Согласна... Я согласна.

– Правильно, девочка. – Пальцы разжались, дав возможность нормально дышать. Незнакомец неожиданно мягко улыбнулся и потрепал меня по волосам с совершенно неуместной и необъяснимой лаской. – Не стоит противиться неизбежному, тем более что такой твой выбор может принести тебе куда большее, чем ты можешь представить. И знаешь, ребёнок...

Привычное по прошлой жизни обращение резануло слух, заставив вскинуться и испуганно поглядеть на мужчину. В груди что-то тоскливо потянулось в никуда и тут же оборвалось, нарвавшись на глухую стену. А мой собеседник даже внимания не обратил на небольшую заминку, задумчиво продолжив:

– Ты мне нравишься. Ты упряма, порывиста и слишком много думаешь о других, что мне ни капли не импонирует. Но есть в тебе что-то такое... завораживающее. Во всех этих твоих противоречиях. И это действительно восхищает. Немного.

Снисходительные нотки в глубоком голосе сводили на нет прозвучавшие комплименты. И я какой-то частью своего сознания, всё ещё не осмыслившего до конца, что происходит, чувствовала его ложь. Искренне не понимая, зачем он говорит то, во что ни капли не верит.

Пальцы в который раз коснулись моего подбородка. Мужчина наклонился, насмешливо хмыкнув, явно читая меня, как открытую книгу, и коснулся ледяными губами моего лба:

– У меня есть для тебя подарок, дитя. На память о верном выборе. Думаю, новая маска послужит тебе прекрасным подспорьем...

Его слова острыми иглами вонзились в душу, складывая разрозненные картинки прошлого в единый многогранный яркий пазл. И я сжала кулаки, не имея возможности отстраниться или закрыть глаза, вспоминая не самые приятные подробности своего прошлого.

Белая маска. Символ неизвестности, стирающий черты моего лица, меняющий до неузнаваемости. Глазницы обведены чёрной краской, губы по цвету похожи на кровь. И эти яркие пятна смотрятся пугающе странно на холодной, обманчиво невинной чистоте.

Неживая улыбка растянула мои губы. Когда я взяла её в руки впервые, у меня не было ничего, кроме пугающей пустоты внутри и холодного, чисто профессионального любопытства к тому, что она может.

Когда я надела её в последний раз, вокруг меня смыкалось магическое пламя, не оставляя мне и шанса на выживание. И как бы споро и знакомо пальцы ни складывали одну печать за другой, я смогла выпустить из ловушки всех. Кроме себя.

Печати. Судорожно вздохнула, невольно качнувшись вперёд от внезапно накатившей слабости и ухватившись за плечи мужчины. Десятки, сотни, тысячи разнообразных узоров, мгновенно наполнивших память. От нескольких завитков до многоуровневых конструкций, при взгляде на которые в глазах начинает рябить.

Забывтое искусство, подвластное далеко не каждому. Вот только вместе с гордостью, с памятью о мастерстве Печатей пришло осознание того, как же я пользовалась оным. На языке осела горечь понимания, скрутившая внутренности узлом так же, как сила «щедрого» незнакомца.

Я ненавидела смерть, отобравшую у меня семью. Но сама же освоила ремесло убийцы в совершенстве.

– Благодарю... – тихо откликнулась я, оборвав затянувшееся молчание. – Но убивать я больше не хочу. Не хочу и не могу.

– Глупое дитя. – Упрёк прозвучал неожиданно мягко. Мужчина склонил голову набок, глядя на меня так, как порой смотрел отец, стоило нам с сёстрами что-то натворить. – Смерть и Жизнь... Две стороны одной медали, одна всегда идёт за другой, и это то, что нельзя изме-

нить. Так же как нельзя изменить то, что ты и «легендарная» Мантикора – две части одного целого. То, что ты не потеряла человечность, это хорошо. Но и бежать от самой себя тоже не выход. Бессмысленно и совершенно бесполезно, ребёнок, ведь всегда найдутся те, кому захочется посмотреть, какого цвета твоя кровь. Так что... – Он довольно сощурился, чему-то усмехнувшись. – Моя маска тебе пригодится.

Он отступил на шаг назад, небрежным движением руки снимая скрывающую лицо маску. И я наконец смогла его рассмотреть.

Мужчина был... красивым. Не привычно, не правильно, гротескно и слишком странно, но всё же красивым. Узкий подбородок, впалые щёки и скулы, о которые, кажется, можно порезаться. Если, конечно, мне хватило бы смелости прикоснуться. Прямой нос с горбинкой, чуть вздёрнутые в неприкрытой насмешке брови и по-мальчишески задорные синие глаза. Почему-то они казались мне слишком холодными и пустыми, чтобы принадлежать живому существу. В их глубине, где-то там, на самом дне, притаились безжалостные, опасные твари. И я не хотела знать, что будет, если их хозяин отпустит своих демонов на свободу.

Мужчина безмятежно, тепло улыбнулся, заставив меня невольно сжаться. От этой улыбки тянуло безумием с толикой удушающей любви. Той самой, что медленно, но верно убивала предмет своего обожания.

– Страх. Я забыл, какой он на вкус, – тихо хмыкнул мужчина, свободной рукой взяв меня за запястье и увлекая за собой.

Он держал аккуратно, но сильно, временами сжимая до лёгких отголосков боли, молнией скользящей по оголённым нервам. Предупреждая, что сопротивляться не имеет смысла. Ведь я всё равно согласилась на всё, что он мне предложил. Согласилась вернуться.

Окружающая пустота вдруг стала вязкой и тяжёлой, сжимая грудь и выдавливая воздух из лёгких. Ноги налились свинцовой усталостью, а боль, до этого лёгким пером щекотавшая сознание, с каждым шагом становилась всё сильнее. Пока мышцы не свело судорогой, заставив сжать зубы и тихо, рвано втянуть воздух. Только незнакомец этого не замечал, утягивая меня за собой.

Наконец он выпустил мою руку, вложив в неё безмолвную маску, и, сделав ещё несколько шагов, легко выхватил своё странное оружие. Серебристые искры взметнулись вверх, окутывая фигуру мужчины стылой магией, от которой, казалось, разучившееся биться ровно сердце застывало на пару секунд.

Длинные пальцы с лёгкостью перекидывали древко из одной руки в другую. По его тёмной поверхности змейкой вился странный узор, то угасая, то разгораясь с новой силой, и резал по глазам ярким всполохом мягкого зелёного света, стоило мужчине с невероятной грацией крутануть своё оружие, описав идеальный круг. С сухим щелчком раскрылся наконечник, обнажая длинное, изящно изогнутое и покрытое мелкими рунами лезвие. Такое же странное, столь же нелепо красивое и очень опасное, как и его владелец.

Осознание обрушилось на меня совершенно внезапно, словно кто-то ухватил за шкуру, как слепого, беспомощного котёнка, ткнув носом в очевидные факты. И я обязательно посмеялась бы над собственной недогадливостью, если бы не эта самая стылая магия, вившаяся вокруг нас. Магия, отдающая могильной сыростью и тленом, магия гораздо более древняя и сильная, чем многие могут себе представить.

Магия смерти...

Я действительно глупый ребёнок, раз пыталась спорить с Ним. Очень глупый, наивный ребёнок.

Коса вновь крутанулась вокруг своей оси, подчиняясь воле хозяина. Кончик её оставлял за собой бледный, еле заметный след, полыхнувший чёрно-алым, стоило соединить линии. А совсем уже не незнакомец отошёл в сторону и, на грани издёвки склонившись в поклоне, жестом предложил мне сделать первый шаг.

Былые сомнения подняли голову, разрывая изнутри. Но под этим взглядом я не могла произнести и слова против, стискивая в пальцах проклятую белую маску. Символ всей моей жизни, символ выигранной (или проигранной?) войны.

– Тебе пора.

Холодная улыбка не вязалась с крупницей тепла в синих глазах. Играючи пройдясь кончиками пальцев по кромке лезвия, он встал, оперевшись на свою косу и ехидно вскинув бровь, глядя на меня, замершую в чёртовой нерешительности в паре шагов, отделяющих меня от дома.

Глубоко вздохнув, я медленно, наплевав на боль, накатывающую всё сильнее, выпрямилась и гордо вскинула голову. Пересилить свой страх, иррациональный ужас перед неизвестностью было не просто, но я шагнула к открытому порталу. И уже почти коснулась пальцами тёмной завесы... но обернулась, с кривой улыбкой глядя на своего «спасителя»:

– Спасибо за всё, Фанэт...

Улыбка мужчины стала чуть шире. Хмыкнув, он выпрямился, с лёгкостью закидывая косу на плечо:

– Пожалуй, ты стоила этих хлопот, Мантикора. Но не пытайся снова спорить с Судьбой на собственную жизнь. В конце концов, эта дама в карты играет куда лучше Гекаты. И вряд ли я в ближайшие пару сотен, а то и тысяч лет захочу снова спасти чью-то душу.

Я кивнула, склонив голову и признавая его правоту. В груди снова загрохотало сердце, в этот раз от мысли, что, может, я всё же нужна на Аранелле. Если уж по мою душу пришёл один из самых первых Древних. Тот, кого в нашем мире называют просто и незатейливо – Смерть.

Закрыв глаза, я сделала последний шаг, бросаясь вперёд, как в омут с головой. Не слыша тихого, довольного смеха. Не видя, как предвкушающе вспыхнули зелёные искры в глазах Фанэта, меняя его облик до неузнаваемости.

У него тысяча масок, десятки форм. Но Смерть – это всегда Смерть. Фанэт... Свободный. Вездесущий. Видящий вас насквозь, как бы вы ни пытались скрыть ваши желания. И никогда не открывающий своих мотивов до конца.

Переход оказался началом моего свободного падения. Я летела спиной вниз, прижимая к груди прощальный подарок – маску Фанэта, цепляясь за картинки-видения, за свои воспоминания, чтобы не потерять себя в этом ощущении бесконечного полёта. А губы беззвучно шептали, повторяя раз за разом:

– Я вернусь... Я же обещала...

Сколько это длилось? Не знаю. Но в какой-то миг я словно замерла, повиснув в воздухе. Без возможности обернуться или же всё-таки упасть. Странное ощущение невесомости обескуражило, но ровно на пару секунд. Я резко выдохнула, когда это чувство пропало так же резко, как и накатило. Разлетелось на тысячи мелких осколков от удара, выбившего не только весь оставшийся воздух из моих лёгких... но и жалкие остатки сознания, за которые я цеплялась с безнадёжностью обречённого человека. И всё равно проиграла эту битву.

И пришла в себя в самом настоящем аду. Боль. Она сжигала изнутри, превращая каждую секунду в самую настоящую агонию, а любое движение – в подвиг, явно достойный войти в легенды. Мышцы сводит судорогой, выкручивая, выворачивая наизнанку. Нервы звенели натянутой струной, дрожа от волнами накатывающих ощущений. И если бы я могла кричать...

Кричала бы. Не переставая. Стоило лишь окончательно осознать, что эта самая чёртова боль – не мираж, не отголосок, а то, чем пропиталось моё тело. Пожалуй, только это и примирило меня со всеми последствиями своего воскрешения, заставляя безумно хрипло смеяться от того, что я чувствую себя. Пусть искалеченная, потрёпанная и беззащитная. С сорванными связками и лёгкими, полными дыма. Пусть задыхаюсь от кашля и острых, не самых приятных ощущений, пронизывающих насквозь, но я жива. И это чувство ни с чем не сравнится.

Я резко выдохнула, прикрыв слезящиеся глаза. Тело, незажившие раны и потерянная физическая форма – ерунда, право слово. Восстановить всё это – вопрос нескольких недель, дайте только на ноги встать. Главное, что я всё-таки живая. Что сердце бьётся о сломанные рёбра, а проклятая боль ощущается остро. И пусть туманится разум и сложно думать, я осознаю, что я – жива. И мне ничто не мешает вновь оказаться с теми, кто дорог, кого я люблю. Несмотря на разделяющее нас расстояние и всё, что произошло.

Ещё один вздох сорвался с потрескавшихся губ. Первый восторг от ощущения собственного тела сходил на нет, оставляя после себя недоумение. Острое, болезненное и скребущееся в душе. Я без понятия, где нахожусь, и не имею ни малейшего представления, что мне делать дальше.

Попытка приподняться и оглядеться по сторонам провалилась. Тело скрутил очередной приступ боли, вырывая из груди болезненный стон. Всё, что я могла увидеть, закусив до крови нижнюю губу, – что я на кровати в какой-то комнате. И поминаю недобрым словом всех Хранителей и древних, пытаюсь смириться со всеми этими «радужными» ощущениями.

Глупо было надеяться, что, открыв глаза, я окажусь среди родных, относительно здоровой и владеющей не только телом, но и магией. Глупо, но я всё же надеялась. Забыв, что мне никто не обещал, что будет легко. И видимо, прежде, чем я перешагну порог собственного дома, придётся проделать долгий и тяжёлый путь. К своему выздоровлению для начала.

Я медленно, глубоко вдохнула и так же медленно выдохнула, стараясь отгородиться от всего. Не вышло, и я слабо улыбнулась, удержавшись от желания качнуть головой в такт мелькавшим мыслям. Ничего, это тоже пройдет. Было бы желание, а возможности найти – не проблема. Тем более что, несмотря на свою полную бездарность в целительском деле, кое-чему я всё же смогла научиться. Главное – сделать первый шаг. Дальше, как говорится, дорогу осилит идущий.

– Я вернулась... Я справлюсь... – Шёпот прозвучал как гром, разбивая тягучую, душную тишину.

Где-то кто-то тихо ойкнул, раздался звук разбитого стекла и смачное упоминание парочки Хранителей в не самых цензурных выражениях. Но вместо того, чтобы испугаться, я улыбнулась.

Мышцы отчаянно сопротивлялись, тело ныло, и слёзы текли из глаз сильнее. Только та самая хрупкая надежда, бережно лелеемая в глубине души, согревала меня, отодвигая всё остальное на второй план. Поэтому я продолжала улыбаться, глядя невидящим взглядом куда-то на потолок.

По привычке попытавшись потереть бровь, я тут же самым натуральным образом взвыла от боли. Она прострелила меня насквозь, от кончиков пальцев до самого позвоночника, отдаваясь огнём во всём теле, заставляя задыхаться, выгибаясь на кровати. Повторное поминание всеу Хранителей я отметила лишь краем сознания, цинично хмыкнув в ответ на нелюбимые характеристики оных.

– Но-но-но, дорогуша. Рушить всё, что мне удалось добиться непосильным, заметь, трудом, да с таким энтузиазмом? Верх неблагодарности, – недовольно цокнул языком незнакомый мне мужчина, оказавшийся рядом спустя пару минут. – Между прочим, я в кои-то веки совершил поступок, достойный истинного самаритянина. И дать кому-то свести всё на нет моя эгоистичная самовлюблённость просто не может себе позволить.

Хватка на подбородке не была нежной. Она заставила повернуть голову и посмотреть на своего спасителя. И я, сморгнув слёзы, попыталась разглядеть того, кто не только сохранил моё тело, но даже пытался его лечить.

Тихий смешок отозвался тянущим чувством в груди. Моим спасителем оказался высокий, обманчиво тонкий, светловолосый мужчина. Пара выющихся, золотистых прядей постоянно лезла ему на глаза. Овальное лицо с тонкими правильными чертами и мягкий, закруг-

лённый подбородок. Прямой нос, плавная линия иронично приподнятых бровей. На левом виске, там, где размеренно билась жилка, начиная от скулы и до середины лба ажурной вязью шла татуировка. И так сразу и не скажешь, нанесена она с помощью магии или набита старым добрым способом.

– Знаю, я – красивый, – хмыкнул мужчина, продолжая вглядываться в моё лицо, хмурясь. Указательным пальцем второй руки он прошёлся по щеке, очерчивая ожог от магического пламени, расплывшийся по коже, и недовольно цокнул языком. – Шрамы останутся. Незаметные. Впрочем, может, в следующий раз ты, человечка, дважды подумаешь, прежде чем соваться в самый эпицентр магического огненного шторма. Совсем вы, люди... того. – Он покрутил пальцем у виска для большей демонстрации своего непонимания человеческой природы.

Я невольно попыталась улыбнуться, услышав в его упрёке больше недовольства и какой-то самой настоящей детской обиды. Но скривилась от боли, стянувшей мышцы лица, и выдохнула, с трудом разлепив пересохшие губы:

– Пить...

– Увы, нельзя. Алкоголь совершенно несовместим с некоторыми зельями, – тут же откликнулся блондин, сокрушённо вздыхая и качая головой.

– Воды... – Хриплый кашель мало походил на смех.

Но несмотря на всю абсурдность ситуации, на боль, выламывающую кости и грозившую выбить меня из сознания вновь на неопределённый срок, я чувствовала себя... живой. Удивительно живой.

– Ах ты ж... – Блондин хлопнул себя по лбу и озадаченно почесал бровь. – Старею, видимо... Склероз подкрался незаметно! – И он, скрывшись из поля моего зрения на пару минут, вернулся с небольшой кружкой в руках. Поставив в неё соломинку, поднёс кончик трубочки к моим губам, хмыкнув: – Извольте.

Прохладная сладковатая жидкость ещё никогда не казалась такой вкусной. Сделав несколько маленьких глотков, я, откинувшись назад и прикрыв глаза, прошептала:

– Спасибо...

Голос всё ещё плохо слушался, выдавая надрывное воронье карканье вместо привычной плавной и чуть тягучей манеры говорить. Впрочем, это было делом времени, и одно только понимание этого заставляло меня чувствовать себя лучше.

– Всегда к вашим услугам, прекрасная незнакомка, – иронично фыркнул мой заботливый лекарь, с комфортом разместившись на полу рядом с моей койкой. И, подперев щеку кулаком, делано поинтересовался: – А теперь я таки могу осведомиться?

– О чём?

Подступающая сонливость меня ни капли не удивила. Видимо, в воду было добавлено несколько капель сонного зелья, дабы избежать ненужных препирательств с пациентом.

Для того чтобы оправиться после случившегося, телу нужен отдых. Как и разуму, за короткое время пережившему слишком много потрясений (и не все из них были приятными). Хочу я этого или нет, на самом деле не имело никакого значения.

Мужчина наклонился чуть ближе, и меня окутал аромат горькой рябины. Едва ощутимый, слишком отличный от вязких запахов различных целебных зелий и мазей, пропитавших воздух в комнате. И потрясающе отчётливый, органично вплетающийся в тонкий, но при этом необъяснимо мощный облик блондина.

Наверное, в силу профессиональной деформации или собственного жизненного опыта... А может, из-за какого-то шестого чувства, не знаю. Вот только принять своего неожиданного спасителя за человека у меня не получилось даже в таком состоянии. Мягкие, плавные движения, чуть скупые и в то же время изящные, точные. Слишком точные. На долю секунды может показаться, что эти пальцы с лёгкостью сломают мне шею, стоит только этому нелюдю

захотеть. И знаете, я в этом ни капли не сомневаюсь. Пусть даже с представителями данной расы по долгу своей «службы» я встречалась крайне редко, а лично знаю всего лишь двоих...

Согласитесь, довольно недальновидно быть парой дракона и не суметь опознать ещё одного чешуйчатого, пусть и из другого клана. Зачем-то спасшего моё тело и теперь явно вознамерившегося поставить меня на ноги.

– Ну, к примеру, о том, как в такую милую головушку пришла не менее милая мысль о самоубийстве. Да ещё крайне экзотическим способом, – скривился блондин, вполне натурально изобразив всё своё отношение к наивным и крайне идиотским человеческим поступкам.

– Выбора не было, – хрипло откликнулась я, чувствуя, как глаза предательски защищало от сдерживаемых эмоций и слёз.

– Позвольте усомниться... – скептически протянул мужчина.

И сомнение в его голосе можно было бы потрогать руками, если бы я могла ими пошевелить конечно же.

Я на этот выпад не отреагировала, пытаясь решить кое-что про себя, пока сознание окончательно не потонуло в спасительной сонной дымке. Вздохнув, приоткрыла глаза, глядя прямо на задумчиво разглядывающего меня разноглазого блондина, и медленно проговорила:

– Корана...

– Ась? – Отвлёкшись от собственных мыслей, он недоумённо моргнул пару раз, явно пытаясь понять, что успел пропустить. И лишь спустя долгих пять минут фыркнул, в который уже раз хлопнув себя по лбу. – А! Ну да, где ж я потерял свои манеры, что папочка так старался вдолбить в непутёвого сынка? – И, вежливо склонив голову, добавил, прервав минутку своего уничижения: – Ней'рат, чёрный дракон. Вы, милая Корана, оказали мне высочайшую честь... став невольной гостьей в моём скромном доме.

Последнее прозвучало как ничем не прикрытая ирония, и я не смогла удержаться от хриплого смеха, от которого по телу снова прошла волна боли.

– Гость... Гостьей?

– Гостьей. – Улыбка на лице блондина приобрела какой-то непередаваемый хищный оттенок. И, почувствовав мой скептицизм, он хмыкнул, постучав кончиками чёрных когтей по подбородку, неувовимо сменив лёгкое разгильдяйство на холодный, расчётливый прагматизм. – Видишь ли, Корана... Мне до вас, людишек, обычно нет никакого дела. Но тебе повезло, ты смогла меня заинтересовать. И пока мой интерес не прошёл, можешь считать себя моей гостьей.

– А если я... – Я с трудом сглотнула и всё же закончила свой вопрос: – Опасна?

В ответ мужчина разразился тихим, шипящим смехом. Он откровенно веселился, забавно щурясь и обнажая выступающие клыки. Дракон наклонился, доверительно сообщив:

– Будь это так, ты пришла бы в себя на лабораторном столе в анатомическом театре, дорогая. Или не пришла бы вовсе.

Я закрыла глаза, признавая его правоту. Ней'рат обладал бездной обаяния, он мог казаться радушным и открытым, весёлым и беззаботным. Но, как и любому хищнику, стоит ему почувствовать опасность, он устранит её самым быстрым и эффективным способом. И это действительно жутко – осознавать собственную беспомощность и зависимость от любопытства другого живого существа. От того, сочтёт ли он тебя и дальше такой же интересной или вскоре наиграется и решит избавиться от ненужного груза проблем. А ты не то чтобы спастись, даже просто оказать какое-то сопротивление не сможешь.

Я тихо вздохнула, едва заметно дёрнув кончиками пальцев левой руки. Наверное, будь я в другом положении, в другом состоянии, я действительно испугалась бы. Но за свой долгий и тернистый путь я научилась не только убивать. Я научилась действовать по обстоятельствам и... читать тех людей и нелюдей, что попадались мне по пути. Увы, без этого в Гильдии Убийц

просто не выжить: либо свихнёшься от паранойи, либо убьют не глядя, чтобы не мешал. Ну а раз жить хотели все, и по возможности как можно дольше, мы так или иначе умели видеть сквозь чужие маски и иллюзии. Кто-то делал это интуитивно, кто-то – обдумывая каждое слово и каждый шаг, вынуждая противника действовать в нужном направлении. А кто-то, как я, находил свои ответы в жестах, интонациях и выражении лиц. Не всегда это было увенчано успехом, но в большинстве своём я ошибалась очень и очень редко. И, глядя на Ней'рата, я чётко осознавала: намеренно причинять мне вред он не будет. Я для него загадка, которую хочется разгадывать постепенно, обстоятельно, снимая слой тайны за слоем. Ради этого он вытаскивал меня с того света, ради этого же поставит на ноги. И да, со временем этот ящер потеряет и тягу, и исследовательский азарт, но чего точно делать не будет – так это ломать дело рук своих. Эгоизм в нём цвел буйным цветом, понуждая тщательно оберегать его. Особенно если сие дело стоило ему кучи зелий и собственных нервов.

Острые коготки несильно царапнули грудь. Приоткрыв глаза, я с трудом смогла сфокусировать свой взгляд на морде полосатого кота, с любопытством принимающего к моей шее. Тонкие усы едва щекотали кожу, невольно заставляя пытаться уйти от прикосновения. Кот в ответ на мои вялые движения тихо, совсем по-человечески фыркнул, сощутив разноцветные глаза. И под довольный смешок хозяина дома, негромко мурлыча, свернулся в клубок на моём животе, распространяя вокруг ровное успокаивающее тепло и... магию. С острым запахом горькой рябины и чего-то неуловимо родного, домашнего, уютного. Согревая изнутри пропитавшуюся стылым холодом душу.

– Ты ему понравилась. – Ней'рат, казалось, ни капли не удивился происходящему. Только дёрнул мягкое треугольное ухо, успев убрать руку до того, как на ней сомкнулись белые клыки. – Забавно, учитывая, что эта мохнатая задница даже меня только терпит, но уж никак не любит. – Поднявшись, мужчина склонил голову набок, тонко улыбаясь. – Спи, Корана. О том, откуда во мне взялись зачатки доброго самаритянина и как быть дальше, мы подумаем после. Когда я сам смогу сформулировать цензурный ответ на первый вопрос.

На этом блондин посчитал разговор законченным, выйдя из комнаты так же неслышно, как и появился. Дверь закрывать за собой не стал, лёгким щелчком пальцев восстановив тонкое кружево заклятий, пронизывающих комнату вдоль и поперёк.

Вот только я могла бы поклясться, что на моё едва слышное «Спасибо» сквозь накатывающую сонливость он всё-таки улыбнулся. Довольно, искренне и с толикой облегчения. Странный он.

Даже по меркам собственной расы.

Аджар, город Охотников. Граница земель гномов

Хашша Эр'ши

Клетка.

Десятки обликов, сотни названий, тысячи интерпретаций. Только суть останется неизменной, как ты её ни назови. Даже если она всего лишь плод твоего воображения, это всё равно замкнутое пространство, насквозь пропитавшееся твоим страхом, воплотив в себе все твои кошмары. Здесь не скрыться и бежать тоже некуда. И какую бы иллюзию свободы тебе ни дали, в конечном счёте ты всё равно остаёшься один на один с самим собой. Запертый. В клетке. В помещении три на три метра. Где нет ничего и никого, кроме тебя и твоих чёртовых тайн. Порой кровавых, порой нелюбезных, но от этого не менее реальных. И ты никуда от них не денешься, пока тот, кто заточил тебя здесь, не решит по-другому.

Согнув ноги, я обхватила руками колени, подтянув их к груди. Моя тюрьма, увы, не была игрой воображения. Для этого в ней слишком реальные твёрдые стены, без окон и дверей.

Полутёмное помещение с притулившейся в углу узкой деревянной кроватью и единственным источником света где-то под потолком – вот как выглядела моя личная клетка. Слабого магического светляка хватало, чтобы осветить центр комнаты. Но его явно было мало, чтобы разогнать мрак по углам. И иногда казалось, что оттуда тянутся вязкие щупальца тьмы, грозившие окончательно погрузить меня в пучину безумия и безнадёжного отчаянья.

Я невольно вздрогнула от слишком ярких картинок. И скользнула бездумным взглядом по обшарпанным стенам своего убежища. То тут, то там их покрывали листы пожелтевшей бумаги, заполненной от края до края рваными хаотичными набросками. Где-то карандаш прорвал светлое полотно, где-то его можно было и не заметить, если не приглядываться. Ну а если уж присмотреться, то кто-то внимательный мог бы увидеть внизу отражение моего прошлого. Или намёк на то самое светлое будущее, к которому стремилось глупое сердце. И плевать ему на то, что оно никогда не сбудется. Во всяком случае, пока меня сковывает по рукам и ногам стальной обруч чужой магии и воли.

Тихо хмыкнув, едва заметно дёрнув плечом, я поморщилась. И, скатившись с жёсткой койки, одним плавным, слитным движением скользнула к стене напротив. Провела ногтём по неприметной щели между досок, открывая створку потайного шкафа, и завороченно устояла на скрытое в нём сокровище.

Наверное, я всё же немного безумна. Возможно, даже не немного. Обычно заключённые от всех прячут то, что им дорого, то, что обладает воспоминаниями, какой-то неизвестной остальным ценностью. Но мне от прошлого не осталось ничего, даже собственного тела. Поэтому в небольшой узкой нише не было ничего, кроме простого прямоугольного зеркала, занявшего всё место. Потускневшего от времени, с длинными тёмными царапинами на гладкой поверхности и засохшими пятнами крови на местах сколов и ударов, от которых змеёй в разные стороны расходились мелкие трещины.

В бессонные ночи мне порой кажется, что мы с зеркалом в чём-то похожи. Оно такое же потёртое, избитое. Но также по каким-то неведомым причинам продолжает существовать. Вопреки всякому здравому смыслу.

Просторная рубаша из грубой ткани так и норовила соскользнуть со слишком худых плеч. Света по-прежнему не хватало, но это на самом деле никогда не было особой проблемой. Для того, кто никогда и не был обычным человеком, не составит никакого труда увидеть и самые мельчайшие детали в отражении бездушной поверхности. Даже в крошечной тьме. Причём слишком хорошо.

Неживое, лишённое магии зеркало неизменно показывало одну и ту же картинку. Высокую истощённую девушку, вряд ли прожившую больше двадцати пяти зим по человеческим меркам. Её тёмные волосы с серебристо-седыми прядями, тяжёлой волной спускаясь до середины спины, неряшливо обрамляли овальное скуластое лицо с острым подбородком. Нос с горбинкой, тонкие брови. Левую пересекает несколько белёсых шрамов, придавая причудливый, неестественный изгиб. Губы бледные, тоже тонкие, с сеткой шрамов на всей нижней. Если улыбнутся чуть шире, то можно увидеть острые клыки. Они гораздо больше, чем у обычного человека. Только она, как и я, никогда не была человеком.

Склонив голову набок, я коснулась пальцами зеркала, обрисовав до сих пор непривычный контур теперь уже своего лица. Затем провела ниже, по изящному изгибу шеи, выступающим косточкам ключиц. И отпрянула, отступив на шаг назад. Медленно повернувшись вокруг своей оси, отслеживая каждое движение на первый взгляд хрупкого тела. В который раз удивляясь, как же обманчив этот самый первый взгляд!

Все жесты, все движения были идеально выверенными, чёткими, без малейшего признака скованности. Под белой кожей выделялись крепкие стальные мышцы, гармонично сочетавшиеся с кошачьей грацией и гибкостью. Если бы у прежней хозяйки хватило знаний, навы-

ков и желания, мы не стали бы заложницами этой ситуации. И я не оказалась бы в чужом теле, в чужом мире, в клетке.

Сделав шаг к зеркалу, я покрутила в пальцах прядь волос, задумчиво разглядывая по-прежнему чужое для меня отражение. Прикрыла глаза, качнувшись с носок на пятки и обратно...

– Р-р-ра-у-у! – Ярость всколыхнулась мгновенно, вспыхнув в душе ярким заревом.

Сипло выдохнув, я размахнулась и с силой врезала по бесстрастной поверхности. И ещё раз, и ещё...

Я била по стеклу, не чувствуя боли. Ощущая, как течёт по пальцам кровь из ранок, оставленных острыми осколками. Со злорадством отмечая, как гладкое серебро окрашивает алый цвет, заполняя сеть мелких трещин. И с горечью понимая, что люди лгут.

Сорвавшись на безмолвный предмет своей скудной обстановки, я не почувствовала облегчения. Ни капли.

Втянув воздух сквозь сжатые зубы, я отступила назад, захлопнув дверцу шкафа. Эмоции схлынули так же стремительно, как и вспыхнули, оставив после себя тянущую грусть и пустоту. Пальцы рук онемели, шевелить ими было предательски больно. И только та звериная ярость оставалась неизменной. Она затаилась где-то глубоко внутри, выжигая то, что когда-то ещё можно было называть душой. Хоть что-то знакомое в этом чужом мире.

– Р-р-ра! – снова глухо рыкнула я, поведя плечами.

Если бы я могла, разнесла бы эту чёртову клетку вдребезги и своими собственными когтями разодрала бы того, кто заточил меня, Дитя Зверя, в это тело. И плевать мне, как это выглядело бы с точки зрения магии и морали. Но увы. Таким мечтам сбыться не удастся при всём моём желании.

Если присмотреться внимательней, пользуясь тем, что осталось от моей настоящей сущности, можно без труда увидеть тонкие нити силы. Они частой крепкой сетью оплели стены, потолок и даже пол. Складываясь в заклинания, разрушить которые я просто не смогу. Хотя бы потому, что тот, кто проводил ритуал призыва, очень уж предусмотрительно выбил печать подчинения на моей поясице в виде татуировки. Ещё три впились в кожу на основании шеи и запястьях. Они сплели в тесный клубок мою сущность, мою душу, чужую магию и чужое же тело и при попытке вырваться на свободу скручивали тело болью. Попытки фанатиков, в чьи лапы мне как-то довелось попасть, ничто по сравнению с ней. Так, несущественная мелочь, на которую не стоит обращать внимания.

Вернувшись к грубо сколоченной лежанке, я забралась на неё с ногами. Полусидя устроившись в гнезде из тонких простыней, местами зияющих прорехами от когтей, откинула назад волосы. И, глубоко вздохнув, потянулась дрожащими пальцами к тонко выделанной миниатюрной доске с металлическим креплением, зажимающим несколько листов пожелтевшей бумаги. На каждом – наброски, бессистемные, хаотичные и совершенно непонятные. Вот только для меня каждый из них был бесценным. Каждый был робкой, отчаянной попыткой сохранить хотя бы крупицу прошлой жизни, оставить хоть какие-то воспоминания о ней.

Я выудила из-под тонкого матраса обломок карандаша и, помусолив почти стёртый кончик грифеля, закрыла глаза, замерев на пару мгновений. Слушая, как сердце замедляет свой обычный ход, а звериная жажда действий и свободы уходит на второй план.

Раз. Два. Три...

Память послушно подкидывает яркие вспышки картин из прошлого. Пальцы сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее скользят карандашом по бумаге, в провальной попытке успеть поймать ускользающие образы. Линии ложатся на линии, пересекаются, расходятся и встречаются вновь. И постепенно обретают свою завершённость, превращаясь в лицо молодой девушки.

Я закусила губу, продолжая возить карандашом по бумаге. На каждом рисунке она разная. Где-то смеётся, где-то хмурится. И всегда, чёрт бы её побрал, чуть добродушно усмехается, смотря на меня с пониманием своими серыми глазами. Иногда держит на руках ребёнка, спрятав нос во взъерошенных волосах. Иногда рядом с ней мужчина, у которого нет ни имени, ни лица.

Кончик карандаша замер, вычерчивая край узкого кольца на женской руке. Губы растянула кривая ухмылка, и я недовольно фыркнула, качнув головой. С помощью рисунков я могла сделать многое. По памяти воспроизвести узор на широком браслете, отразить самую мельчайшую эмоцию на женском лице, передать ощущение момента, всю ту гамму чувств и переживаний, что пронизывали его. Но как бы я ни старалась, единственное, что не удаётся воспроизвести по памяти, – это черты чужого, некогда такого любимого лица. Оно превратилось в слепое пятно. И всё, что мне от него осталось в этой новой жизни, – чёрный ожог от кольца на безымянном пальце правой руки. Видеть его на чужом теле было странно. Даже если не вспоминать о том, сколько времени я здесь уже нахожусь.

Я отложила доску в сторону, не обращая внимания на то, что несколько листов соскользнуло на пол. Зарылась с головой в простыни, свернувшись в клубок и пряча нос в коленях. Дремота наваливалась постепенно, расслабляя и отключая инстинкты. Но не до конца, ведь клетка полна сюрпризов.

Как и тот, кто её создал, в попытке воспитать своего идеального слугу. Мой Хозяин был не шибко умён, однако цепко держал в руках поводок и время от времени очень болезненно напоминал о том, кто и чей тут раб. Немолодой, жадный до добычи, он хвалился тем, что сумел подчинить себе Зверя. Забывая о том, что, может, прежняя душа и сломалась в оковах его власти, но я – нет. Я просто затаилась на время, набираясь сил, тренируя подзабытые навыки и пытаюсь учиться жить в новом и чудном для меня мире.

Я тихо вздохнула, потёршись щекой о ткань и не замечая, как соскользнула в медитативное состояние. Нити силы тонко, едва слышно звенели, натягиваясь и жалобно дрожа. А предательское подсознание, само того не ведая, тянуло меня далеко-далеко. Туда, где среди тысячи отражений самых разных миров притаились мрачные Серые Степи. Место, куда так или иначе, рано или поздно попадают все Дети Зверя. И не важно, рождённые они или созданные чужой прихотью.

Тропа скользнула под ноги далеко не сразу. Нехотя передо мной открывалась узкая дорожка, ведущая куда-то вдаль. Степи не были рады заблудшей гостье, то зовя за собой на расстоянии вытянутой руки, то скрываясь за зыбкой линией горизонта. Они не хотели пускать меня, но, спотыкаясь и стиснув зубы, я упрямо шагала дальше. Стараясь точно представить, куда хочу попасть.

Серые Степи для каждого из нас выглядят по-разному. Однажды скользнув сюда, Зверь увидел что-то своё, что-то неповторимое, и именно этот образ становится ориентиром, путеводным и определяющим направление. Тем, что нас встретит.

Споткнувшись, я остановилась и глубоко вздохнула, пытаюсь справиться с накатывающей злостью. И только досчитав до пяти и обратно, я продолжила путь, читая про себя строки старых, подзабытых легенд прошлой жизни.

В этот раз всё было куда сложнее. Новое тело, печати подчинения и убийства себе подобных, которые никогда не спускались никому из нас. В иных мирах Степи называли Долиной Предков, где не приемлют братоубийства. От тех, кто нарушает эти правила, отрекаются не глядя, без суда и следствия. И сейчас, шагая вперёд, я бросаю вызов тем, кто обитает здесь, идя против воли Хранителя этого места... Надеюсь на помощь своего тотемного духа, на приют и совет. На то, что Серые Степи останутся той единственной нитью, что до сих пор связывает меня с прошлым.

Тропинка оборвалась внезапно, уперевшись в бескрайние степи, сплошь покрытые высокой травой цвета пепла. Остановившись, я подняла голову, шурясь на ярко-синее небо. Где-то там, за тяжёлыми тёмными тучами прячутся Парящие Острова. Приют для душ Детей Зверя, ушедших на новый путь перерождения. Для тех, кто устал бороться за свою жизнь и предпочёл просто отступить, отдавшись на милость Перворождённого. Истинного в своём величии. Великого в своём милосердии. Не имеющего ни лица, ни имени, но облачённого в прозрачную фигуру благородного лесного оленя с огромными ветвистыми рогами. Говорят, если увидеть его и коснуться его носа, то исполнится самое заветное желание из всех возможных. То, чего жаждет твоё сердце.

Я нервно провела по волосам, убирая тяжёлые пряди со лба. Жаль, что моё желание он не сможет исполнить никогда. И встречать меня здесь больше некому. Мой тотем потерял связь со мной, стоило очнуться в новом теле, и сейчас лежит на берегу Чёрного озера, предаваясь философским размышлениям о бренности бытия, глядя на неподвижную гладь воды. И всё, что остаётся, – это идти дальше, надеясь встретиться с ним среди действительно бескрайних степей.

Возможно, Перворождённый будет милостив ко мне. Хотя бы в этот раз.

Сухая земля приятно холодила босые ступни. Трава пригибалась под порывами тёплого ветра. Вокруг царил звенящая тишина, нарушить которую казалось кошунством. Она не давила на меня, не сжимала грудь, мешая дышать, а наполняла рваные кусочки души грустью и сожалением о том, чего я не смогу вернуть.

Когда-то это место встречало меня вечным летом, ласковыми объятиями родного дома. Но время течёт, его бег неумолим. Новый мир встретил меня телом, которое подчинялось больше инстинктам, чем разуму, с радостью выполняя приказы Хозяина. И прошёл не один год, прежде чем я смогла перебороть предательскую натуру, назвать это тело действительно своим.

Повезло, что Серые Степи пустили меня и признали. Дали шанс. Правда, обманываться ложными надеждами мне всё же не стоит. Шанс был и остаётся последним.

Над головой пронеслась тень, заставляя инстинктивно пригнуться и зашипеть, выпустив клык. Сделав ещё один крутой вираж и шумно взмахнув крыльями, на огромный валун сбоку от тропы уселся чёрный ворон с тёмными бусинками глаз, в глубине которых притаились синие искры. На шее птицы висело тяжёлое костяное ожерелье из звериных клыков и когтей. Ворон повёл головой. С крупных маховых перьев на серую землю упали капли алой крови. Птица угрюмо опустила клюв, нахохлившись и пристально глядя на меня, отчего по спине заскользило липкое ощущение первобытного страха и трепета. Согнувшись в низком поклоне, я хрипло выдохнула, склонив голову набок, обнажая шею в знак подчинения:

– Приветствую тебя, Каин, страж Серых Степей.

Ворон с минуту неподвижно сверлил меня тяжёлым взглядом. После чего шевельнулся, прокаркав:

– Приветствую тебя, Хашша, вечный путник Фортуны. – Переступив с лапы на лапу, Каин смерил меня пристальным взглядом и недовольно взмахнул крыльями. – Тебе здесь не рады. Ты нарушила законы Зверя, ты позволила подчинить себя и сковать цепями. Зачем ты здесь?

– Твоя мудрость велика, Каин. – Голос дрогнул. Сглотнув, я облизнула пересохшие губы и всё так же, не поднимая головы, продолжила: – Ты видел тысячи таких, как я. Ты вправе изгнать меня отсюда, и я не буду возражать.

– Тогда зачем ты здесь, Хашша?

– Посмотри мне в глаза, Каин. Я открою свой разум, я обнажу свою душу. Посмотри мне в глаза, ворон... Дай мне шанс объяснить.

Каин замер, укутавшись в крылья, задумавшись над моим предложением. И лишь спустя пару минут нехотя развернул их, приняв решение, и коснулся кончиками перьев моего лица. Я невольно сделала шаг вперёд, коснувшись носом огромного острого клюва.

– Что ж... – прокрипел Каин, глядя мне в глаза. – Покажи мне, что ты скрываешь, вечный путник Фортуны. Покажи мне...

Щиты, закрывающие моё сознание, рухнули за какие-то доли секунды под напором магии, более древней и сильной, чем что бы то ни было. В мой разум хлынули образы прошлого, обрывочные воспоминания, оставшиеся от прежнего владельца тела. А вместе с ним и новые, отзывающиеся на прикосновение к печатям мысли и мечты.

И смерть. Слишком много смерти. Моей и чужой, ненужной и обоснованной, увиденной со стороны и совершённой моими руками. Грань безумия, маячившая слишком близко, впивающаяся когтями в душу и отпускающая обратно в реальность. В ночь, наполненную не моими воспоминаниями и снами.

Сколько это длилось, не знаю, время в Степях было так же относительно, как и несущественно совершенно. Но в какой-то миг я увидела себя чужими глазами, со стороны, перья оцарапали кожу, и всё пропало. Я отшатнулась, хватая ртом воздух и пытаюсь отделаться от назойливых образов. Каин же сложил крылья, хмуро глядя в землю и не поднимая головы, едва слышно что-то бубня себя под нос.

Я машинально коснулась пальцами оставшихся на щеке ранок. Слизнула кровь и горько усмехнулась, всё больше чувствуя себя чужой в этих землях. Каин хранил молчание, закрыв глаза и неподвижно застыв. Только когти время от времени сжимались, оставляя длинные глубокие борозды на камне. И это давало небольшую, но всё же надежду.

Наконец ворон поднял голову, посмотрел на меня и нехотя протянул, недовольно поведя крыльями:

– Я видел многое, Хашша... Очень многое... – Его слова падали с грохотом камней, несущихся с обрыва. Печати впились в тело, скручивая внутренности болью, обжигая кожу и нервы. Я сжала пальцы в кулаки, даже не имея желания противиться силе, тянувшей меня вниз. И, не выдержав, припала на одно колено, закусив губу до крови, не в состоянии отвести глаз от полыхающего алым огнём тяжёлого взгляда Стража. – И ложь никогда не красила этот мир. – Каин чуть шевельнулся, отчего ожерелье сместилось, издав рваный перестук. Невидимая сила валуном прижала меня к земле, заставляя задыхаться, скрести когтями своё горло в попытке получить хоть каплю воздуха. – Встань, Хашша, вечный путник Фортуны... Я верю тебе. – Приказ прозвучал твёрдо и вместе с тем устало, прошелестев порывом ветра по высокой траве. Давящее ощущение исчезло, будто его и не было, и встать с земли оказалось легко, так, словно ничто и никогда не ограничивало мою свободу. Ничто, кроме печатей привязки, тянущим ощущением напоминающих о себе. – Твоё право приходить сюда. – Каин вновь повёл крыльями, задумчиво щёлкнув клювом. – Инстинкты нельзя побороть. Твои воспоминания – лучшее тому доказательство. Я, Каин, страж Серых Степей, от имени Перворождённого позволяю оставаться тебе частью нашего мира и приходить сюда за советом и помощью. Но твой Зверь изменился, а тотем остался тем же. По правилам Серых Степей ты можешь выбрать нового Хранителя Зверя.

Последняя фраза вызвала внутренний протест. Зверь взбунтовался, пробившись сквозь контроль разума. Гулкий рык резанул горло, вспугнув несколько мелких птиц:

– Нет!

– Твоя воля. – Каин не шевельнулся, вновь впившись в меня безразличным взглядом. – Он там же, где и всегда. Но не удивляйся, Хашша... Время – суровый хозяин. Ты была последней из его Дома. Последней, кто держал его.

И, взмахнув крыльями, Страж взмыл вверх, скрывшись среди облаков и оставив на память о себе одинокое перо, сиротливо лежащее на вершущке валуна. Невесомо коснувшись его тонкой кромки, я глубоко вздохнула, пытаюсь подавить нервную дрожь, пробивающую время от времени, и шагнула в сторону, следуя той звериной интуиции, которая должна привести меня к излюбленному месту отдыха моего тотемного духа.

В этот раз тропа не спешила исчезать. Она заботливо вела меня сквозь бескрайние степи, увлекая всё дальше и дальше от места разговора со Стражем. Ветер ласково гладил кожу, играя с волосами, и на какое-то время я вновь ощутила то подзабытое чувство дома.

Узкая дорожка сменилась на широкий песчаный берег тёмного озера, вода в котором казалась застывшей и густой, как смола. Коснись её – и увязнешь навсегда в своих кошмарах и страхах. Я остановилась у кромки, чувствуя, как ноги по щиколотку утонули в мягком белоснежном песке. И медленно опустилась на него, борясь с желанием заглянуть в воду, гадая, что я там увижу.

– Здравствуй, дитя... – прошелестел над ухом мурлыкающий голос.

От него по всему телу расплзлась щекочущая, трепетная нежность. Я повернула голову и, закрыв глаза, ткнулась лбом в мягкую шерсть. Она, как и прежде, пахла чем-то пряным и родным, успокаивая и согревая прикосновением к ней.

– Здравствуй, Хиффу... Я скучала...

– Я тоже скучал, дитя.

Холодный, влажный нос коснулся моего плеча, осторожно потеревшись о него. Шершавый язык широким мазком прошёлся по коже. Тихо хихикнув, я отстранилась и открыла глаза, с щемящей нежностью глядя на сидящего рядом со мной грифона.

Страж был прав. Время не пощадило никого, а мой тотем в особенности. Всё та же стать в теле песчаного льва, всё та же сила в размахе огромных орлиных крыльев, сверкающих иссинячёрным оперением с серебряной окантовкой. Всё то же понимание и едва заметная усмешка в синеве глаз с круглым чёрно-оранжевым зрачком. Но светлую шерсть изрезали полосы серой седины, а крылья чуть дрожали, словно боясь раскрыться и сломаться под напором ветра. И алая грива уже не столь роскошна, как раньше, став заметно короче.

– Не думал, что Каин пустит тебя... – Низкий рокот отдавался во мне приятной дрожью. Судорожно вздохнув, я вновь уткнулась носом в плечо тотема, зарываясь пальцами в его густую гриву. – Рад, что ошибся.

– Хиффу...

– Ш-ш-ш, дитя... Я рядом. – Широкое крыло всё же раскрылось, крепче прижимая меня к большому тёплому телу.

Усевшись на песок и пряча лицо в остро пахнувшей пряным шерсти, я сделала то, на что не решалась очень-очень давно. Я разревелась. Громко, несдержанно, позорно. Выплёскивая накопившуюся усталость и безысходность, оплакивая то, что потеряла, и то, что не сумела сохранить. Безуспешно пытаюсь подавить робкую надежду на лучшее, зародившуюся от встречи со своим Хранителем. Хиффу молчал, осторожно касаясь носом моего плеча, напоминая, что он рядом. Что я не одна.

Не знаю, сколько времени мы провели вот так, оплакивая то, что нельзя вернуть. Просто в какой-то миг я обнаружила себя сидящей под боком у разлёгшегося на песке грифона, который положил голову на передние лапы, слепо шурясь на заходящее солнце.

– Я надеялся, что ты выберешь нового Хранителя, Хашша, – нарушил затянувшееся молчание грифон.

– Ты – всё, что у меня осталось, Хиффу. Я не хочу ничего менять, – недовольно фыркнула я, перебирая пальцами его спутанную гриву и глядя на неподвижную озёрную гладь. – И спорить бессмысленно. Мой ответ останется неизменным.

– Я слишком стар, дитя. Мой Дом закончил свой путь много лун назад, вместе с твоей смертью. Ты вернулась, это да. Но Зверь у тебя теперь совершенно другой. Зачем ему такой старик, как я?

– Ты мой Хранитель. Был им и останешься. И Зверь пока что вовсе не мой, Хиффу, ты же видишь. Лучше скажи, как мне справиться с инстинктами чужого тела?

– Ты всё ещё слишком упряма, Хашша, – хмыкнул грифон. – И твоё упрямство порой очаровательно, но порой приносит слишком много проблем. Что же касается тела... Нунды больше симбиоты, чем Дети Зверя. Связь с партнёром у них ценится выше, чем собственные нужды. Выше собственной жизни, я бы сказал. Пожизненный брак, запечатление, истинная пара... Назвать можно как угодно, суть же останется той же. Разорвать узы ты не можешь, но...

– Но? – подалась я вперёд, впиваясь когтями в колени и всё ещё надеясь, что выход из всего этого недоразумения найдётся.

– Ты Зверь, Хашша. Истинный и рождённый. Печати на тебе управляют телом, но не разумом, не твоим духом. И разорвать эту привязку ты можешь, да... – Хиффу шевельнул крылом, укутывая меня плотнее, прижимая к себе и пряча от порывов холодного ветра. – Договор, Хашша. С сильным, магически сильным двуликим.

– Каким образом? – нахмурилась я, недоверчиво качнув головой. – Хозяин не даст мне вольную, Хиффу. Для него это тело – ценное приобретение, к тому же преданное ему до мозга костей.

– Ты всё ещё юна и порывиста, дитя, – глухо хохотнул Хиффу, повернув голову и боднув мою руку покатыстым лбом. – И судишь, не видя картину в целом. Раз нунда так яростно и фанатично верна своему Хозяину, то однажды он ослабит поводок, уверенный в том, что она его не обманет и никогда не предаст. Тебе нужно лишь найти того, кто согласится заключить с тобой договор. Того, чья связь с тобой будет гораздо сильнее инстинктов тела.

Я прислонилась к вздымающемуся боку грифона, почти улёгшись на него, и скрестила руки, устроив подбородок на них. В словах моего Хранителя было зерно истины, но всё же я не могла довериться им полностью, до конца. Не сейчас, когда оказалась в заложниках чужой жизни и чужой сущности. Спорить с впитавшимися в кровь догмами было сложно, почти невозможно, и временами я хотела смириться с текущим положением вещей. Очень хотела. Пока не вспоминала снова, каково это – быть свободной, самой решать, что делать и как быть, а не слепо следовать чужой воле!

– Хиффу... Для того чтобы связь была сильнее, партнёр должен обладать немалой магической мощью. И его ипостась тоже. Она должна быть больше моей, намного больше. Я правильно понимаю?

Тотем утвердительно мотнул головой, подтверждая верность моих рассуждений, и коснулся кисточкой хвоста моих ног, в качестве одобрения и поддержки, поощряя продолжить разговор.

– И... Кто это может быть? Какой Зверь может быть сильнее, чем мой? Пусть забитый и полуголодный?

– Хм... – Грифон задумчиво прикрыл глаза, застыв в неподвижной позе. Кажется, он даже забыл дышать, погрузившись в размышления, подбирая ответ на мой вопрос.

Я же едва заметно поёжилась, ощущая, как утекает отведённое мне время. И пусть оно действительно ужасно относительно в Серых Степях, но у каждого визита свой срок. Оставаться дольше положенного попросту опасно.

Украдкой вздохнув, я выпрямилась, подтянула колени к груди и потёрла руками озябшие плечи. Пальцы подрагивали, и, глядя на них, я не смогла сдержать печальной улыбки. Слишком много всего и сразу, такого родного и забытого одновременно.

Лёгкая щекотка от прикосновения перьев к коже, острый запах дикого зверя и мускуса от короткой шерсти, ласковое урчание, разливающееся умиротворением по телу. От всего этого щипало в носу, и по щекам снова покатались слёзы, которые я втихомолку вытерла тыльной стороной ладони, старательно игнорируя понимающий взгляд Хранителя.

– Не плачь, дитя, – раздался над ухом тихий рокот.

Грифон положил огромную голову мне на плечо. Я прижалась крепче, вздохнув и улыбаившись сквозь слёзы.

– Я не плачу, Хиффу. Вовсе нет...

А у самой чувство, что я снова мелкий котёнок, со слабыми, только-только оперившимися крыльями. Мнящий себя грозным Зверем, чей рык пугает до дрожи, а не смешит своим тихим писком. Который гоняется за хвостом своего тотема, насмешливо дрыгая задней лапой на попытки образумить себя, любимую, и, как всегда, демонстративно игнорирует все увещания взрослых. И не важно, что они пытаются тебе сказать!

Кажется, это было целую вечность назад.

– Я правда не плачу. – Вздыхнув, я закрыла глаза, прижавшись к грифону. – И всё же... Кем должен быть этот Зверь?

– Тот мир, где ты сейчас, не богат на истинных двуликих. – Хиффу отстранился, мазнув носом по моей щеке, и, чуть сощурившись, серьёзно посмотрел на меня. – Выбор не велик. Чтобы освободиться от навязанной инстинктом связи, твой партнёр по соглашению должен быть... драконом. Самый крупный хищный зверь из всех, что существует на Аранелле.

Возразить на это утверждение было совершенно нечего. От прежней души мне остались воспоминания и знания о мире. Двупостасных действительно было мало, даже нунды считались чем-то вроде реликта. А уж подмять под себя моего нового Зверя и вовсе могли единицы... Из которых и выбирать-то особо нечего. Чёрные львы жили обособленно, узкой группой, предпочитая не связываться с другими расами. Драконы не были столь брезгливы, вот только что я могу ему предложить?

Этот вопрос я и озвучила своему тотему, поведя носом и тихо, недовольно рыкнув в ответ на снисходительный взгляд грифона. Хиффу вздохнул, обдав меня горячим дыханием, и пояснил:

– Ты можешь предложить ему себя, Хашша. Даже это тело способно выносить наследника. Наследника с уникальным, особым даром. Твоё мастерство, твои знания никуда не делись, дитя. Их просто нужно вспомнить и освоить в новом теле и новом мире. Ребёнок, наделённый особым даром, – разве это не достаточная плата за твою свободу?

– Ребёнок? В обмен на свободу? – недоверчиво склонила я голову набок, инстинктивно чувствуя какой-то подвох. – И никакой больше связи?

– Не будь наивной, Хашша, – укоризненно протянул мой тотем, неторопливо поднявшись и усевшись рядом со мной. Он обернул хвостом лапы и вновь уставился на неподвижную озёрную гладь. – Эти узы не разорвать. Ни тебе, ни дракону, ни Хранителям, этим местным божкам. С появлением общей крови она лишь усилится, оплетая вас тонкими нитями. Разум, душа, сердце... Помнишь эти основы менталистики? Они неизменны всегда и везде. Они свяжут вас, независимо от ваших желаний. Но если ты правильно поставишь условия, получишь клятву о соблюдении оных, то сможешь получить свою свободу. В обмен на одарённого наследника, конечно же.

– Вот как...

Мы замолчали, думая каждый о своём. Я знала, чётко осознавала правоту своего тотема. И в то же время противилась самой мысли отдать кому-то своего детёныша. Для нас, двуликих, дети были ценностью. Той, за которую сражались, бились до последней капли крови. Та, которую оберегали и стерегли. И оставить своего ребёнка... ради свободы...

От этой мысли хотелось рычать и бросаться на того, кто попыбует отнять моего ребёнка. Я с трудом подавила рвущийся наружу рёв, зародившийся в груди. И задохнулась от ощущения зова, накрывшего меня с головой. Неумолимого, подчиняющего, тянувшего за собой. Сопротивляться которому у меня просто не было сил.

– Тебе пора, – проницательно заметил Хиффу, поднявшись и потянувшись всем телом, разминая лапы. Встряхнувшись, он обошёл меня по кругу и замер напротив. – Я уверен, ты примешь верное решение. Каким бы оно ни было. Но я хочу сделать тебе подарок, Хашша... Последний. Если ты позволишь.

Я недоумённо встала, замерев и не зная, чего ждать. А Хиффу уселся на задние лапы, расправил крылья и наклонился вперёд. Поднявшийся ледяной ветер стал сильнее, гоняя вокруг нас одинокое чёрное перо. Мощная грудь грифона вздымалась, медленно и размеренно. В густой гриве мелькнул крупный сапфир, который переливался всеми оттенками синего спектра, и время от времени в его глубине вспыхивали золотые искры. И чем дольше я на него смотрела, тем сильнее становилось свечение.

Я моргнула, подавив желание потереть глаза. Золото стало расплываться по всему камню, выпустив из его центра тонкие лучи света, пронизывающего всё вокруг. В районе лопаток появился жуткий зуд, перетёкший в неприятное жжение. И это чувство усиливалось, пока не превратилось в терпимую, но всё же ощутимую боль.

Чёрное перо скользнуло по носу, привлекая внимание. Машинально перехватив его рукой, тихо вскрикнула, когда оно вдруг резко накалилось до тёмно-алого цвета и осыпалось тонкой струйкой чёрного пепла, тут же подхваченного порывом ветра. Частицы скользнули по обнажённой коже спины, впиваясь и проникая так глубоко, что я невольно задохнулась, хватая ртом воздух. Пантера внутри меня взвыла, скребя когтями и пытаясь выбраться из-под гнёта чуждой силы. Силы моего Хранителя.

Усилием воли я заставила Зверя застыть, прижав уши и недовольно метая хвостом. И продолжила молча терпеть, сжимая кулаки, пережидая очередную волну не самых радужных ощущений. В конце концов, Хиффу был и остаётся единственным, кто никогда мне не лгал. Всё, что когда-либо делал мой тотем, имело свою причину и свои последствия. Всегда разные, но всегда правильные. Независимо от того, как это выглядело со стороны.

– Это мой последний дар, Хашша... Дар, который начнёт отсчёт оставшимся дням слишком долгой жизни. Моей и моего Дома, – устало выдохнул Хранитель, когда свечение исчезло, оставив после себя странную тяжесть у меня на спине и безликий тусклый сапфир на груди грифона. – Я дарю тебе память о прошлом, дитя. Память, что однажды даст тебе преимущество. Ты поймёшь, когда придёт время... А теперь иди. Тебе пора покинуть Серые Степи.

– Хиффу... – растерянno прошептала, не зная, как реагировать и что говорить. – Я ещё увижу тебя?

Грифон подался вперёд, коснувшись широким лбом моего лба, и тут же отпрянул, так и не дав ответа. Внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия. Но сопротивляться зову, тянувшему меня прочь из Серых Степей, я больше не могла. Отчаянно рванувшись вперёд, я вцепилась пальцами в густую гриву и закричала, пытаясь заглушить рёв ветра, поднявшего вокруг озера стену пыли:

– Пожалуйста, Хиффу! Ответь! Мы ещё увидимся?

– Мы успеем попрощаться с тобой, дитя... Успеем, – ударил по натянутым нервам тихий ответ.

Я крепко зажмурилась, глотая жгучие злые слёзы и понимая, что слышу в голосе своего тотема те самые обречённые, усталые нотки неуверенности. Словно Хранитель и сам не знал, что нас ждёт впереди.

– Береги себя, последняя из Дома Золотых грифонов... – Ласковое прикосновение перьев стёрло слезы с моей щеки. – Будь сильной, Хашша. Помни, кто ты...

И в следующий миг я оказалась точно там же, где и начался мой путь. У валуна, на котором сидел Страж, выстукивая мерный ритм острым клювом. Он поднял на меня взгляд, сверкнувший алым. И хрипло, громко каркнул, всполошив стаю птиц, притаившихся среди высокой травы. Чёрные тени взметнулись в небо, закрывая собой солнце. Сделав круг над Каином, они рванули вниз, стремительно приближаясь ко мне. Вскрикнув от неожиданности, я выставила вперёд руки в бессмысленной попытке защититься. Злой рокот птичьего крика приближался, затихнув лишь на секунду. И в следующий миг десятки, сотни воронов смазанной острой тенью врезались мне в грудь, вышибая воздух из лёгких. Вышвыривая меня за пределы Серых Сте-

пей под хриплый смех Стража. Заставляя изгибаться от раздирающей грудь боли, скрести её когтями в попытке добраться до самого сердца. От слишком острых ощущений, сжигающих нервы к чёртовой матери.

Я крепко зажмурилась, отчаянно цепляясь за гаснувшее сознание, и...

Коротко вскрикнула, очнувшись на холодном каменном полу. Причудливые тени, отбрасываемые магическим пламенем на факелах, плясали на стенах. Приподнявшись, я сморгнула наворачнувшиеся слёзы, с нарастающей ненавистью глядя на тонкие, чётко вычерченные линии правильной пятиугольной звезды, вписанной в круг. Рунические знаки, шедшие по краю рисунка призыва, не оставляли никаких сомнений насчёт того, где я оказалась. Мой Хозяин, видимо, захотел полюбоваться на своего питомца, распластавшегося в центре рисунка, наполненного силой. Дёрнуть за поводок и напомнить, кто здесь главный.

И словно в подтверждение моих мыслей, гулким эхом по ритуальному залу разнёсся скупающий отстранённый голос:

– И это она? Тот самый Зверь? Что-то... – Тут говоривший замолчал, явно подбирая слова. И всё же с непередаваемым сарказмом произнёс, тихо хмыкнув: – Не впечатляет.

– Кхе... – Рваный судорожный кашель в хриплом голосе моего Хозяина настораживал. Как и последовавший за ним ответ, прозвучавший слишком быстро и подобострастно: – Она... Она лучшее, что у меня есть! Теперь отпустишь?! Ты обещал! Я выполнил свою часть сделки!

– Как скажешь, – любезно согласился незнакомец.

Слух резанул звук металла, скользнувшего по выделанной коже. А через один удар сердца и один рваный вдох небольшое помещение наполнил запах сладкой свежей крови. Предсмертный хрип заглушила вспышка яркой боли, прошившая печати подчинения и тихий, едкий смешок неизвестного.

Я шумно сглотнула, закрыв глаза и позволяя инстинктам взять верх над разумом. Острые когти шаркнули по каменным плитам, оставив глубокие борозды. Обоняние и слух обострились до предела. Могу поклясться, я слышала, как по капле утекает жизнь из слабого трусливого мага, когда-то сумевшего стать для бедной нунды всем и даже больше. Сморгнув и отметив краем сознания изменение цветового спектра, я поднялась на четвереньки, вогнав когти глубоко в пол. И, выдернув их, с глухим рыком выпрямилась, расправив плечи.

Пентаграмма протестующе вспыхнула, предупреждая любую попытку бежать ощутимым ожогом на босой ступне. Недовольно шикнув, я отступила назад, стараясь держаться подальше от ярких, завораживающих линий. Бегло осмотрелась по сторонам, чувствуя, как нервы гудят от напряжения.

Ритуальный зал освещали четыре факела, которым не под силу разогнать тьму из углов. Серый камень пропитался тошнотворным запахом тлена и гнили, он вонял чужим страхом, от которого я морщила нос и несдержанно фыркала. Рядом с низкой деревянной дверью, обитой чёрным железом, стояли двое...

Один из которых, мой бывший теперь уже Хозяин, медленно оседал на пол, хлюпая вспоротой грудной клеткой и разодранным горлом. В душе шевельнулось лёгкое сожаление, что до него добрались раньше меня. Шевельнулось и исчезло, сменившись звериной, едкой радостью от его смерти. Даже по меркам пантеры он был слишком жалок, чтобы безгранично властвовать над ней.

– Ну, здравствуй, Зверь. – Обманчиво мягкий голос почему-то жутко нервировал.

Второй мужчина брезгливо отшвырнул носком сапога выпавший из рук мертвеца мешочек с деньгами и шагнул вперёд, позволяя рассмотреть себя. Я чуть повернулась, напряжившись и готовясь броситься в любой момент. Маг (силой от него фонило даже сквозь пропитавшее зал уныние) на это только хмыкнул, склонив голову набок и задумчиво огладив короткую аккуратную бородку. Он был высок и широкоплеч, с тонкими, острыми чертами лица. Тёмные

волосы, зачёсанные назад, ложились волной на плечи, а жёлтые, слишком светлые, почти звериные глаза с отстранённым любопытством смотрели на меня холодно и расчётливо.

– Кто ты? – глухо рыкнула я, скаля клыки и облегчённо вздыхая, когда разрушенная привязка так и не смогла закрепиться на новом владельце диковиной зверюшки.

Да, он был магом. Да, сильным и знающим. Но с нундами он дел не имел и упустил тот момент, когда мог бы приковать меня к себе лучше любых печатей и цепей. И это был тот самый шанс, что, подкреплённый соглашением, даст мне свободу.

– Твой новый Хозяин, Зверь. – Заложив руки за спину и скользя по мне внимательным взглядом, мужчина по кругу обошёл пентаграмму призыва.

– И что тебе нужно... Хозяин? – Годы, проведённые в роли раба, научили молчать в ответ на неприкрытые оскорбления. Но, не сдержавшись, я всё же подпустила в голос издёвки.

Маг на это лишь дёрнул уголками губ, обозначив насмешку, и встал напротив меня, подкидывая на ладони небольшой деревянный шарик. Он привлёк моё внимание, играя на древних рефlekсах и вынуждая следить за тем, как он летит. Чёрного цвета, покрытый резьбой, он манил и притягивал. И человек прекрасно всё видел, с лёгкостью перекидывая игрушку из одной руки в другую.

– Я хочу посмотреть, на что ты способна, Зверь. – Подкинув шарик в последний раз, маг положил его на раскрытую ладонь и протянул мне, позволяя рассмотреть его получше.

Я невольно шагнула вперёд, с силой втягивая воздух и не обращая внимания на вновь вспыхнувшую пентаграмму, обжигающую кожу. Шарик мелко вибрировал, покачиваясь. От него тянуло остаточной звериной магией, болью и... безумием. Всепоглощающим, диким, необузданным. Таким, что у пантеры шерсть встала дыбом и в кои-то веки она была полностью согласна с человеческой половиной сознания. *Это* нельзя оставлять в живых. *Это* можно и нужно убить, стереть с лица земли и мира, выпустить кишки и навсегда забыть, что это отродье когда-то было Дитём Зверя.

Громкий гортанный рык, наполненный яростью и ненавистью, обжёг горло. Клыки впились в нижнюю губу, рассекая её и наполняя рот сладким привкусом крови. Пентаграмма вспыхнула сильнее, превращая лёгкие полосы красноты на коже в настоящие ожоги, но мне было плевать. Того, кто был пленником этого шара, нужно было убить. И я убью его, чего бы мне это ни стоило.

– Интересно. – С трудом оторвав взгляд от шарика, разливавшего вокруг дикий ужас и первобытную жажду крови, я вновь уставилась на мага. Тело балансировало на тонкой грани трансформации, и я насмешливо фыркнула, когда новый Хозяин скривился, видя всё больше и больше проступающие звериные черты. Зрелище сложно назвать приятным. – Ты держишь в руках мой поводок. Я знаю, чувствую. Но ты всё равно хочешь увидеть, на что я способна. Зачем?

– Всё просто, Зверь, – хмыкнул маг, вновь подкинув шарик на ладони. – Я хочу убедиться, что ты стоишь потраченных денег. И моего времени конечно же.

В следующую минуту произошло сразу несколько событий. Человек швырнул в круг призыва шарик, произнес несколько отрывистых слов. Я отпрыгнула в сторону, резко завершая трансформацию и уходя от удара острых когтей противника. Сознание окончательно сместилось, уступая место готовому к бою зверю. Огромная пантера, достигающая в холке высоты в полтора метра, покрытая густым блестящим чёрным мехом, отливающим синевой, пригнулась, подбираясь для прыжка. Мощные лапы с длинными острыми как бритва когтями оттолкнулись от каменных плит, пущенным ядром отправив тело в сторону противника. Гибкий хвост хлестал по бокам, тёмно-голубые глаза зло шурились, а вдоль позвоночника змеились рунические знаки на пару оттенков светлее шерсти. Зверь собирался раз и навсегда оборвать никчёмный жизненный путь и без того обречённого собрата.

Против меня маг выставил тигрицу. Истощённую, худую и безумную. Ни тени разума в желтовато-зелёных глазах. Только жажда чужой крови, и ничего больше. Острые рёбра выпирали на судорожно вздымающихся боках. Блёклая шерсть свалилась и местами вылезала целыми клочками. С жёлтых клыков капала слюна. Огромная и некогда прекрасная кошка скалилась и злобно шипела каждый раз, когда её попытка разодрать моё горло одним ударом оканчивалась очередным провалом. Мой новый Хозяин издевательски хлопал в ладоши на особо неудачные удары тигрицы, и та, прижимая уши к голове, кидалась вновь и вновь, яростно, отчаянно и совершенно... безмозгло.

Бросок в сторону, ещё один и ещё. Вывернуть плечо и часть лопатки одним точным, уверенным ударом тяжёлой лапы. Ещё один пришёлся в челюсть, дав насладиться звуком ломающихся костей. Тигрица взвыла и, припадая на раненую лапу, попыталась отползти подальше. Вот только мощное тело пантеры было куда тяжелее и быстрее.

Развернувшись, уходя от чужих клыков в сторону, я задними лапами отбросила жертву на вспыхнувшую сеть защиты пентаграмму. Зал наполнил аромат горящей плоти и воя, переходящего в бессильный вопль ярости. Обмякшее тело скулило на одной ноте, распластавшись по полу, заливая постепенно гаснувшие линии кровью. И всё равно, поверженная и беспомощная, тигрица дёргалась, отчаянно пытаясь ухватить меня зубами или когтями.

Я подошла неспешно, молча, только скалилась, обходя по кругу уже поверженного противника. Остановилась перед окровавленной мордой и подняла взгляд на мага. Тот выразительно вскинул бровь, терпеливо дожидаясь, что будет дальше. И довольно рассмеялся, когда я, хрипло рыкнув, оборвала чужую жизнь. Просто и банально. Выдрав ей глотку. И уселась неподалёку на задние лапы, с безразличным видом вылизывая шерсть на испачканной чужой кровью передней лапе.

– Браво. – Маг пару раз хлопнул в ладоши, глядя на меня всё так же расчётливо. Шею сдавил поводок, пронизывая лёгкой ноющей болью печати подчинения, вынуждая меня повернуть голову, глядя на подошедшего к краю почти погасшей пентаграммы мужчину. – Браво...

Ещё не остывшее после короткого боя тело напряглось. Дурные инстинкты взвыли, требуя напасть на мага. Он – источник боли, он – ограничивает свободу, он – Хозяин. Убить Хозяина так притягательно и сладко!

Я трянула головой, разгоняя дурманный запах крови. С силой выдохнула, уже не думая бросаться. Жить мне хотелось куда больше, чем попытаться обрести свободу путём явного самоубийства. Сощурившись, я громко выразительно фыркнула, глубоко вдыхая наполненный запахом смерти и боли воздух. Ничего, я подожду. Терпение – главная добродетель, и я знаю, что однажды мой Хозяин заплатит сполна. За всё. И сразу.

Маг без страха перешагнул границу пентаграммы, что-то вытаскивая из нагрудного кармана на жилете. Оказалось – изящный кожаный ошейник с нанесёнными по всей внутренней стороне рунам и символами. Короткие вставки металла украшали мелкие куски изумруда, вперемишку с ониксом. Выглядевшие безобидными на первый взгляд драгоценные камни насквозь пропитались тёмной, с привкусом гнили магией. Присев на корточки, маг нацепил эту мерзкую вещицу на мою шею, защёлкнув замок. Ласково, с ноткой раздражающей фамильярности потрепав меня по ушам. На несдержанный, недовольный рык он отреагировал вполне спокойно, легко ударив ладонью по моему носу и небрежно, с явными нотками предупреждения в голосе бросив:

– Осторожно, Зверь. Ты же не хочешь повторить её судьбу? – Хозяин кивнул головой на мёртвую тигрицу, вновь пройдясь пальцами по моим ушам. Я лишь прижала уши к голове, пытаясь избежать прикосновений, и нервно дёрнула хвостом. – Умница. А теперь... Убирайся, Зверь!

Залитая кровью пентаграмма вспыхнула вновь, повинувшись щелчку пальцев мага. Золотистое сияние скользнуло ко мне, окутывая, сковывая, не давая возможности нормально вдох-

нуть. И, выбросив в ставшую уже привычной родную клетку, принудительно вернув из тела зверя в тело человека, загнанно дышавшего, лёжа на грубых деревянных досках.

С трудом сев, я смахнула с лица копну спутавшихся, слипшихся от пота волос. И горько, зло расхохоталась, глядя ненавидящим взглядом на осколки разбитого зеркала, разбросанные по всей клетке. К тонкой шее плотно прилегал, проникая острыми шипами в мягкую податливую плоть, тот самый ошейник, надетый лично новым Хозяином. От него по коже только-только, едва заметно начали расплзаться чёрные нити, грозившие со временем оплести плотной паутиной всё тело, превратив меня либо в безмозглую, искренне обожающую своего Хозяина тварь, либо в подобие этой тигрицы. И я даже не скажу, что лучше: слепая преданность или поехавший к чёрту разум.

С силой ударив кулаком по полу, я хрипло надрывно всхлипнула, откинув голову назад и крепко зажмурившись. Я думала, мне удалось заглушить инстинкты нунды, рвавшиеся связать меня узами с магом. Я думала, у меня появилась хотя бы капля преимущества, главное – вовремя и правильно использовать её. Но, увы, боги... или как их там? Хранители? Кто-то из них был очень немилостив к моему новому телу, решив заменить инстинкты артефактом. Просто, но со вкусом. Снять самой не получится, замок завязан или на силу, или на кровь того, кто надел ошейник. Разрушить – опасно. Тонкое магическое плетение – не то, с чем можно работать грубой силой, как мне было привычно и удобно. А учитывая, что шипы, судя по ощущениям, сделаны из так любимого мной мифрила, пропитавшегося природной магией и магией леса...

Выводы были не самые утешительные. Артефактика – не мой конёк, и, чтобы снять эту «красоту», придётся искать очень узкого специалиста. И я пока слабо представляю, как это сделать, не имея возможности выбраться в мир, за пределы своей клетки.

– Надеюсь, ты был прав, Хиффу... – тихо вздохнула я, поднимаясь с пола и заваливаясь на свою узкую лежанку. Свернувшись в клубок, обняла колени, прижимая их к груди. – Надеюсь, ты не зря в меня верил... И я действительно смогу найти того, кто согласится заключить со мной договор...

Смежив веки, я снова вздохнула, стараясь не обращать внимания на ошейник, время от времени давивший горло, напоминая о себе. И почти мгновенно провалилась в зыбкий, тревожный сон, напоминавший больше полудрёму. Снились мне острые скалы, холодное море и тепло чужих рук, обнимающих меня за талию. А ещё – разноцветные глаза, шёлк светлых выющихся волос и огромные чёрные крылья, разрезающие небо над головой...

Мельхиор. Академия некромантии

Аэрис

Верить в то, во что отказались верить другие, тяжело. Ещё труднее быть единственным, кто продолжает ждать. Но я не сдаюсь и каждый вечер в любую погоду выхожу на крышу одного из учебных корпусов Академии некромантии. Сажусь на краю, смотрю вдаль и тихо шепчу просьбы. Хранителям, Древним... Да не важно кому! Лишь бы она вернулась, вернулась к нам.

– Ма маэре... – Облизнув обветренные пересохшие губы, я машинально стёрла текущие по щекам слёзы. – Ты же обещала. Обещала вернуться! Мы ждём тебя, маэре...

Меня называли глупой за эту надежду. Надежду на возвращение той, что стала мне матерью. В лицо не смеялись, нет, но за спиной шептались. Называли сумасшедшей и чудной, исподтишка пакостили. И даже заступничество директора, господина Реес'хата, взявшего надо мной опеку, не спасало. Особенно когда он сам смотрел на меня с дикой, болезненной ненавистью. За мою слепую веру.

Дракон, потерявший свою Единственную, смог пережить её уход за Грань. Чудом не спел Последнюю песнь и сумел взять себя в руки, чтобы продолжить жить ради сына. Вот только, стряхнув с себя непроницаемый саван скорби и боли, Сеш'яр предпочёл не говорить о ней больше. Вообще. Никогда. И ни сын, ни я не могли стать исключением.

Скорбно вздохнув, я поёжилась под порывом холодного ветра и склонила голову, осторожно, дрожащими пальцами расправляя лежащий на коленях смятый рисунок. Рагдэн тоже по большей части молчал. Рядом с отцом он оживал, что-то спрашивал, что-то говорил, но без него замыкался, угрюмо глядя на окружающих. А ещё мстил. Зло, отчаянно, дерзко. Жертвой его мести мог стать любой, независимо от возраста, пола, расы и положения в академии. И как бы ни подшучивали над его возрастом и размерами, мелкий поразительно умело уходил от своих разъярённых жертв. Если, конечно, попадался. Ну а я...

Я пыталась учиться. Как могла и как получалось, учитывая, что магов со стихией Земли в Академии некромантии не было. Легче было найти истинного целителя на факультете боевых некромантов, чем мага с такой специализацией. Дневала и ночевала я то в библиотеке под приглядом господина Сурина, вредного рыжего библиотекаря, то в лаборатории, где за мной присматривал один из адептов, полукровка по имени Рик. Этот полуэльф, непонятно что забывший в Мельхиоре вообще и в этом заведении в частности, почему-то считал необходимым меня опекать и оберегать. Хотя от него в помещении лаборатории разрушений было гораздо больше. И получались они куда масштабнее с неизменным извиняющимся тоном: «Ну, так получилось... Как-то».

Снова вздохнув, я качнула головой, пройдясь кончиками пальцев по контуру детского рисунка. Рисунка Рагдэна, оставшегося ещё с того времени, что он провёл с маэре. Я стащила его из кабинета опекуна, под шумок, пока он отвлёкся на кого-то из магистров. И поспешила вновь спрятаться на крыше, куда никто не совался и где меня никто не сможет побеспокоить.

Почти никто.

Тихие шаги были едва слышны в шуме ветра. Но не настолько, чтобы я не могла узнать своего гостя. Бережно сложив рисунок, я спрятала его в кармане юбки и подула на озябшие пальцы, пытаюсь согреться. И не удивилась, когда рядом сел Рик, уже привычно смерив мою замёрзшую тонкую фигуру неодобрительным взглядом и набросив на дрожащие плечи куртку. В руки мне бесцеремонно сунули деревянную кружку, над которой поднимался ароматный горячий пар.

– Спасибо, – слабо улыбнулась я в ответ, тут же став греть о неё ладони.

Подув на травяной настой, отпила немного, произвольно довольно жмурясь от разливающегося по телу тепла. Пряный, чуть горьковатый напиток бодрил и явно содержал какое-то лечебное зелье. Хотя готовил его наверняка кто-то другой. У Рика они получались на редкость гадкими, и перебить этот вкус ничто не могло.

– Простынешь, – недовольно протянул полуэльф, роясь по многочисленным отделениям своего ремня. Наконец, выудив из одного пряник, завернутый в салфетку, протянул мне, сдув сидевшего на нём небольшого паучка. При этом кончики ушей у него забавно потемнели, словно ему было слегка стыдно. Непонятно, правда, за что. За то, что он мёрзнет на крыше с бесполезной девчонкой, или за этого самого паучка.

– Не страшно. – Развернув пряник, я понюхала его и попыталась надкусить, чудом не сломав себе зуб. После чего смущённо улыбнулась, болтая угощением в кружке с напитком.

Мы молчали, думая каждый о своём. Я всё так же смотрела на заходящее солнце, окрасившее небо оранжевым цветом, и слушала стихающее пение птиц. Где-то там, внизу, по двору академии бродили адепты, разглагольствуя о своих учебных успехах или проклиная магистров и профессоров за очередное громоздкое задание. Чуть в стороне заканчивались тренировочные бои под бормотание местных целителей, проклинавших излишнее усердие вплоть до пятого колена пострадавшего. Со стороны кладбищ тянуло магией смерти, заставляя меня

ёжиться и неприятно морщиться. Моя стихия была противоположна стезе некромантов и некромагов. И хотя особого дискомфорта, находясь здесь, в логове самой тёмной гильдии, я не испытывала, всё равно приходилось нелегко. Да, Земля тоже могла нести разрушения и смерть, но всё же была больше созидательной, чем уничтожающей.

Задумавшись, я слишком сильно наклонилась вперёд и чуть не соскользнула с края. Рик успел ухватить за локоть, удержав от падения. Только кружка выпала из ослабевших от испуга пальцев и рухнула вниз, явно приложив кого-то по темечку. Но на это я уже не обратила внимания, пытаюсь отдышаться и прижимаясь к своему спасителю.

– Спа... Спасибо... Снова, – тихо выдохнула я, спрятав лицо на груди у мужчины.

Рядом с ним было тепло и комфортно. И сердце, зашедшееся заполошной птицей от короткого мгновения свободного падения, замедляло свой бег, успокаиваясь. Рядом с Риком я чувствовала себя... спокойно. Мямлила и запинаясь, смущаясь и прячась за книгой или же котлом. И спорила до хрипоты по поводу очередного зелья, эксперимента или просто чьей-то теории, найденной в старинном фолианте.

Чуткие пальцы прошли по затылку, зарываясь в собранные в косу волосы. Вздохнув, полуэльф легко коснулся губами моего виска, твёрдо и веско заявив:

– Не стоит больше сюда ходить, Аэрис. Она не вернётся.

Уверенность, прозвучавшая в его словах, неприятно кольнула. Но выскользнуть из его объятий не получилось, Рик только крепче обнял меня, прижимая к себе. И, снова уткнувшись носом в его грудь, я упрямо пробормотала:

– Ты не знаешь. Ты её не знаешь. Она сильная! И она обещала... Такие, как она, всегда выполняют свои обещания.

Мужчина вздохнул. В этом вздохе было столько обречённости, что я в который уже раз ощутила себя маленьким неразумным ребёнком, пытающимся доказать взрослым, что он лучше знает. Моя наивная вера, когда все уже отступили, и слепая надежда, когда все уже предпочли забыть и жить дальше... не красят. И становятся только очередным поводом для насмешек. Вот только что-то в глубине души не давало и шанса смириться с потерей. Я на каком-то животном инстинкте ощущала – моя маэре жива! И пока это ощущение не исчезло, сдаваться в мои планы не входило.

– Аэрис, это не имеет смысла, – снова заговорил Рик, опираясь подбородком на мою макушку. – Её не чувствуют ни муж, ни сын. И это может означать только одно: она ушла за Грань. Отпусти её... Пожалуйста. Не мучай себя.

Я не стала отвечать. Такой разговор происходил не в первый раз и вряд ли в последний. Каждый раз он начинался с травяного настоя в деревянной кружке, сунутого в озябшие руки, и заканчивался молчаливым неодобрением со стороны полуэльфа, когда я отказывалась слышать его аргументы и доводы. Искушение согласиться было велико, заставляя сомневаться в собственной правоте. Ведь если я откажусь от своей веры, тогда меня перестанут считать за местную юродивую и начнут относиться теплее. Вот только...

Я закрыла глаза и бездумно потёрлась щекой о рубашку мужчины. Мне не нужно было расположение местных адептов и жителей. И друзья мне не нужны. Я просто хочу снова почувствовать прикосновение тёплых ласковых рук. Получить возможность крепче сжать в объятиях и вдохнуть полной грудью знакомый полюбившийся запах. Услышать тихий хриловатый голос, что-то нашептывающий в тишине, и раствориться в нём, понимая: меня любят, ценят и никогда не оттолкнут, не бросят. И больше не будет этой проклятой звенящей пустоты внутри, отдающей студёным холодом. Никогда.

– Отпусти, – попросила я шёпотом и отстранилась, вновь уставившись вдаль. После недолго молчания опустила голову, глядя на то, как большая мужская ладонь сжимает мои замёрзшие пальцы, согревая их. – Ты не понимаешь, Рик... не понимаешь, что я чувствую, и не знаешь, почему я так отчаянно в это верю.

– Аэрис...

– Не надо... Пожалуйста, – бросила я на него умоляющий взгляд, робко улыбнувшись и сжав его руку в ответ.

Мужчина недовольно проворчал что-то себе под нос, а я не стала прислушиваться, вновь посмотрев на темнеющее небо. Он ведь действительно не понимал, что меня никак не отпустила стойкая уверенность, что маэре где-то рядом. Вот тут, протяни руку и коснётся мягкой ткани юбки, где обязательно спрятано что-то опасное. Или, может, она где-то за спиной, обернись, и увидишь смеющиеся глаза цвета топлёного шоколада, в глубине которых таятся золотистые искры веселья. И улыбку. Чудесную улыбку, с лёгкой ноткой насмешки, тепла и понимания. От которой и саму тянуло улыбаться и смеяться без причины. А ещё я могла бы тайком коснуться того маленького комочка жизни, яркой звёздочки, что пока ещё совсем слаба. Но я-то знаю, как сильно и ровно бьётся его пульс, звонким эхом отдаваясь по связывавшим нас когда-то нитям.

Я очередной раз вздохнула, склонив голову набок и чуть шурясь. Я не перестану верить и не перестану ждать ни за что. И обязательно подарю этому ещё не появившемуся малышу всю свою заботу. Такую же, как когда-то дарила мне моя старшая сестра...

– Ты ещё такой ребёнок, Аэрис. – Его пальцы осторожно коснулись моей щеки и ласково вычертили странный, незнакомый мне знак. От этого жеста стало чуточку щекотно и неудобно. И я смутилась, вновь пряча взгляд. – И цепляешься за призрачную надежду, причиняя боль не только себе, но и тем, кто тебя окружает. – Рик чему-то усмехнулся и добавил, поднимаясь: – Не засиживайся допоздна. Директор за тебя переживает... Как и я.

– Хорошо, – едва заметно кивнула я.

Мужчина насмешливо и скептически фыркнул и оставил меня одну. Украдкой оглянувшись и убедившись, что на крыше действительно больше никого нет, я отодвинулась подальше от края и, согнув ноги, подтянула колени к груди, кутаясь в великоватую куртку.

– Возвращайся, слышишь? Возвращайся скорее, маэре... Нам так тебя хватает.

Особо яркий блик, отразившись от одного из флюгеров, на миг ослепил меня, заставив зажмуриться. И пока я тёрла глаза, в шуме ветра мне почудился лёгкий, с мягкой насмешкой ответ:

«Ещё немного, найдёшь... Ещё немного...»

Вздрогнув, я ойкнула, чувствуя, что снова начинаю съезжать. Свято веря, что мне эти слова действительно слышались. И не знаю, чем это могло закончиться, если бы меня снова не ухватили за руку, дёрнув вверх, и тут же подхватили на руки, крепко прижимая к широкой груди. Закрыв глаза, я уткнулась носом в уже хорошо знакомый шёлк, пахший чабрецом и ванилью, поинтересовавшись:

– И куда ты меня несёшь?

– В комнату. Такими темпами ты свалишься с крыши гораздо быстрее, чем простынешь, – тихо фыркнул Рик, обнимая меня крепче, давно, видимо, смирившись с участью большой и уютной грелки. Только дёрнул за косу, тут же осторожно потеревшись щекой о мои волосы.

От этого незатейливого жеста в груди зародилось довольное урчание, отдаваясь вибрацией по всему телу. Странное, но привычное ощущение, побуждавшее совсем уж странные желания. Я подставлялась под ласковые поглаживания полуэльфа, забыв, что между нами исключительно дружеское общение. Тёрлась щекой о его плечо, машинально принимаясь к запаху, выискивая, где он сильнее всего, постепенно приближаясь к самому основанию шеи.

– Всё в порядке? – встревоженно спросил Рик, хотя я почему-то точно знала, что он не против. Совсем не против.

– Ага, – тихо откликнулась, подув на обнажённую кожу.

От полукровки пахло лёгким удивлением и чуть-чуть опаской. Она так не вписывалась в привычные нотки его собственного, принадлежащего только ему запаха, что я недовольно заворчала, по-кошачьи шикнув на столь досадную помеху.

– Точно?

– Ага, – тряхнула я головой, отгоняя странные мысли, и вновь прижалась носом к его плечу. Запах Рика меня всегда успокаивал, но сейчас взбудоражил что-то странное, спавшее много-много лет. Резко заныли зубы и зачесались пальцы, которыми я с силой сжала плечи мужчины. – Всё просто замечательно...

Закрыв глаза, я попыталась успокоиться, выровнять дыхание, считая от одного до десяти. И сильно вздрогнула, когда сознание заполнили мутные образы из прошлого. За пару вдохов перед мысленным взором пронеслись десятки, сотни картинок, насыщенных эмоциями. Они перегружали все мои органы чувств информацией и обрушили на голову целый пласт забытых знаний. От них хотелось убежать, скрыться, спрятаться...

Солоноватый привкус крови на языке отрезвил, возвращая в реальность. Резко отпрянув, я лишь чудом не свалилась с рук полуэльфа, испытывая и страх, и ужас, и... непонятное странное удовлетворение от того, что сделала. Глядя на место укуса, мне хотелось мурчать и ластиться с полным осознанием, что этот нелюдь – мой. И такие вопросы, как «почему?», «зачем?» и «за что?», моё внезапно проснувшееся внутреннее «я» не волновали. Вообще.

– Прости, – выдохнула я тихо, почти беззвучно, с ужасом глядя, как на пальцах медленно появляются чёрные когти, впиваясь в тонкую ткань.

От прикосновения к коже меня прошило ощущение боли. Короткой, яркой. И далеко не сразу я смогла осознать, что боль – не моя. Когда же осознала, круглыми от ужаса глазами уставилась на невозмутимого полукровку. Он продолжал крепко обнимать меня за талию и неспешно шагать. Мои вялые попытки вырваться его не впечатлили. От этого в груди возникло громкое урчание, напугавшее меня ещё сильнее, чем всё, что случилось до этого. Я застыла, испытывая, как глупая кошка, напавшая на любимому хозяину, непреодолимое желание прижать уши к голове и потереться о чужое плечо...

Очень противоречивое чувство. И очень знакомое. Откуда-то я точно знаю, что оно связано с той изящной чернильно-чёрной пантерой, иногда приходящей ко мне в запутанных снах и до дрожи пугающих кошмарах. У неё были наполненные тоской глаза цвета яркой зелени и цепочка светящихся рун вдоль хребта. Как две капли воды похожих на те, что шли по обе стороны вдоль моего позвоночника. Откуда они, я так и не смогла вспомнить. Да и объяснения, почему они иногда кровоточат и до конца не заживают, у меня тоже не было.

Тихий хлопок двери подействовал отрезвляюще, вытолкнув меня из вязких размышлений. Рик пронёс меня сквозь хаос, царивший в комнатах, отведённых мне директором Реес'хатом, и осторожно опустил в глубокое мягкое кресло. Сел на корточки рядом, глядя на меня встревоженным взглядом.

– Аэрис? Ты точно в порядке? – Он осторожно коснулся моего плеча и невольно поморщился от неприятных ощущений. Видимо, я прокусила плечо сильнее, чем мне показалось. – Я за тебя волнуюсь.

Ответить на вопрос удалось далеко не сразу. Я с трудом поняла, что говорить мне мешали эмоции, пронизывающие меня насквозь. И принадлежали они не мне, здорово перегружая нервную систему. От этого меня начинало клонить в сон и, свернувшись на кресле в компактный клубок, я тихо выдохнула:

– Спать хочется...

Рик на это заявление лишь возвёл глаза к потолку. И, буркнув что-то себе под нос, отправился к лабораторному столу, спотыкаясь о стопки книг, свитки, пустые бутылочки из-под зелий и... всё, что я только могла из запасливости притащить в комнату, постоянно выслу-

шивая угрозы от немногочисленных посетителей устроить без спросу уборку. Правда, дальше угроз они так и не шли.

Господин Реес'хат прекрасно понимал, что с адептами Академии некромантии мне общего языка не найти. Даже его авторитет не сможет обеспечить мне место среди будущих магов смерти. Мою достаточно светлую стихию, приправленную ноткой дара целителя, они не переваривали напрочь. Поэтому мои комнаты располагались в корпусе преподавателей, где и охранные плетения были намного лучше, и соседство поинтереснее. Вредный рыжий библиотекарь был не прочь обменять вкусный обед (или ужин) на очередной жуткий или чрезвычайно интересный фолиант. А ещё его как чёрт ладана боялись почти все адепты, совершенно не горя желанием попасть к нему на отработку. Господин Сурин мог сильно осложнить жизнь.

– Выпей. – Перед носом появилась кружка с криво нарисованной улыбающейся мордой кота. По крайней мере так казалось. От неё поднимался пар и пахло травами.

Приподнявшись, я повела носом, прищурилась. И громко, оглушительно чихнув, села, потирая нестерпимо чесавшийся нос. С лёгкой ноткой досады поинтересовалась:

– Мята, да?

– Успокоительные зелья тебя не берут, – пожал Рик плечами, невозмутимо покачав чашкой перед моим лицом. – Остаётся только чай и зелье от простуды, для профилактики. Знаешь ведь, болеть в стенах нашей академии небезопасно для здоровья.

– Знаю. – Осторожно взяв кружку, я подула на отвар и сделала глоток. Мятай пахло слишком сильно, пришлось зажать нос рукой и залпом выпить содержимое, рискуя обжечься и пролить на себя весь напиток. Протянула пустую кружку обратно, вздохнув: – Спасибо... Опять.

Мужчина качнул головой, поставил кружку на ближайшую стопку книг, доходившую ему почти до пояса, и, как маленького беспомощного котёнка, укутал меня по самую макушку в плед, осторожно коснувшись губами моего лба.

– Я не ребёнок... – Моя попытка возмутиться канула в пустоту.

Полуэльф лишь иронично вскинул бровь, стягивая с меня мягкие сапоги. Я следила за ним сонным взглядом, старательно давя зарождавшееся внутри мурлыканье. И почти уснула, когда ощутила прикосновение к щиколотке. Чуткие пальцы осторожно прошлись вдоль старых, давно зарубцевавшихся шрамов и сжали ногу, причиняя лёгкое неудобство.

– Откуда у тебя это? – Голос Рика звучал неожиданно прохладно, отдаваясь непонятной обидой в глубине души.

Тряхнув головой, прогоняя сонливость, я вытянула шею, пытаюсь разглядеть, что же он там увидел. Ничего нового для меня нет. Всё те же белёсые полоски шрамов, местами переходящие в грубые, некрасивые рубцы. И рисунок татуировки: отпечаток когтистой кошачьей лапы, в центре которой руна «верность». Я озадаченно попыталась вспомнить, откуда это у меня, но не смогла. Поэтому рассеянно протянула, поуютнее укутываясь в плед:

– Не знаю. Мне кажется, так было всегда. Наверное...

Моргнула и потёрла пальцами глаза, стараясь убрать сеть цветных мушек перед ними. Тихо охнула, когда острой иглой кольнули воспоминания, всплывшие так же внезапно, как и долго, слишком долго спавшие инстинкты.

...Подвал. Тусклый свет факелов и алые языки пламени под алхимической треногой. В котле бурлит зелье, стремительно меняя свой цвет. Реакция идёт стандартно, согласно рецептуре, оставленной Хозяином. Вот только так хочется добавить не три капли настойки аконита, а четыре. Или пять?

На мгновение тело сковывает страх. Я снова иду против указания Хозяина. Он велел делать так, как написано. Но чутьё говорит об ошибке в рецепте. И как поступить?..

...Кнут рассекает воздух, обжигая кожу раскалённым металлом. Свист отдаётся звоном в ушах, смешавшись с диким, полным боли криком. Я задыхаюсь от удушливого чада факелов,

от ужаса, перехватывающего горло. И раз за разом дёргаю руки, скованные цепями, пытаюсь вырвать злополучные крепления и закрыть уши ладонями. Чтобы не слышать, не видеть, не знать. И не думать, что в чужом наказании виновата я со своим чёртовым чутьём!

Нет, не слышать, не знать и не видеть. Не помнить...

Прикосновение пальцев к щеке разбило пугающую картинку, отгоняя отголоски старого кошмара, сегодня получившегося устрашающим в своих реалистических подробностях. Вздвогнув, я тихо зашипела, откинувшись на спинку кресла. И снова вздрогнула, теперь от чужих эмоций, показавшихся острее. Получивших терпкий привкус ревностного удовольствия от беспокойства, граничащего с неподдельной тревогой, на лице Рика, склонившегося надо мной.

Шмыгнув носом, я слабо улыбнулась, осторожно и почти невесомо погладив его по щеке:

– Всё в порядке, правда. Устала просто... И замёрзла. И спать хочется. – И со смешком добавила: – Мята.

– Ладно, – нехотя поднялся Рик и недовольно поджал губы: – Я приду позже, надо кое-что уточнить по твоим последним конспектам. Хорошо?

– Ага, – кивнула я, сползла ниже и, свернувшись в клубок, спрятала нос в коленях.

И почти сразу провалилась в лёгкую дрему. В этот раз мне не снились кошмарные картинки из собственного прошлого. Не снилось чувство потери и одиночества, я никого не пыталась найти в путаных лабиринтах сознания и куда-то бежать, нет. Я крепко прижималась к родному, близкому человеку, уткнувшись носом ей в грудь и наслаждаясь прикосновением знакомой руки к волосам на моей макушке. Чувствуя, как внизу живота покалывают пузырьки игристого счастья от доверительного шёпота, продолжавшего звучать в моей голове.

«Ещё немного, найдёшь... Ещё немного...»

– Ма маэре... – беззвучно прошептала я. И, сама того не осознавая, громко замурчала от предвкушения скорой встречи.

В том, что она будет, я не сомневалась. Никогда.

Пределы Грани

Хаос

Серый песок стелился под ноги мелкой позёмкой. Он то поднимался, свиваясь в тугие жгуты, то опадал. Кромка бархана, так удачно заменившая случайному путнику трон, позволяла наблюдать за тем, что творилось вокруг. И видеть, как, едва ощутимая здесь, рядом с ним буря сметает всё на своём пути. Ломая. Сминая. Стирая раз и навсегда. Превращая и без того безликий пустой пейзаж в самый настоящий ад. Где нет ни сил, ни возможности выжить. Да и желания.

Мужчина сидел, опираясь локтями на колени. Он медленно, методично пропускал сквозь пальцы грубые, крупные песчинки, царапавшие кожу. Безразличный взгляд скользил по пустыне, то и дело цепляясь за линию горизонта. Не замечая, как послушные его воле Пределы Грани менялись, хаотично и бесконтрольно. Вот только ленивый, казалось бы, не знающий, что такое сопереживание и горе, нелюдь давно перестал обращать на это внимание. Зачем? Куда проще закрыться от этого мира, спрятаться от боли и горького чувства острой несправедливости в душе. Потеряться в ней, так и не сумев привыкнуть к пугающей даже его пустоте. Там, где когда-то звенела тонкая, хрупкая нить. Однажды она крепко-накрепко связала одного из самых опасных Древних с хрупким, сломанным ребёнком, смотревшим на него доверчивыми карими глазами. Связала и не отпустила, отдаваясь ноющей тоской где-то в груди.

Ко-ра-на.

Имя, пронизывающее сердце ощущением острой потери. Имя, ставшее табу в его доме. Хаосу впервые за много... очень много лет... впервые за всю его жизнь хотелось не знать, не помнить и глупо, совсем по-человечески стереть всё, что было после. И отчаянно верить, что его дитя, его дочь жива. Что стоит зажмуриться, и на плечо лягут тонкие пальцы, привлекая внимание. А такой родной, мягкий голос расскажет о новых печатях, придуманных неутомным ребёнком. И, горя энтузиазмом, Корана с широкой улыбкой будет говорить и говорить, активно жестикулируя...

Закрыв глаза, стихий сжал кулаки и откинул голову назад, подставляя лицо дикому, слишком яркому двойному солнцу. Даже не пытаясь сдержать слёз, катившихся по щекам. Изнутри его грызло чувство вины, острое и ядовитое.

Он не справился. Он не защитил. Просто не смог. И теперь всё, что осталось Хаосу, ленивому и непостоянному, так это ненавидеть. Чисто, сильно, так, как мог только он. Ненавидеть всем сердцем и всей своей тёмной душой... свою сестру, будь она проклята и предана забвению! Она наградила его дочь проклятием собственной крови. Не захотела освободить ребёнка даже за половину мира. Ёфи так и не поняла, что, если бы она попросила весь мир, Хаос отдал бы его не задумываясь. И плевать ему на гордость и цену своего творения. Жизнь Кораны была гораздо дороже, чем всё, что бы он ни создал.

А ещё он ненавидел дракона. Ревновал собственного ребёнка к тому, кто стал центром жизни и забравшим её сердце. И пусть это глупо, но Хаос завидовал ему, самую малость, зато от души. Завидовал чёртову золотому дракону, потому что тот был рядом. Не долго, да, но был же!

Он сторбился, медленно разжав пальцы. Песок скользнул вниз, смешавшись с каплями крови, а губы мужчины искривила горькая усмешка. Он ненавидел их всех. Ненавидел со всей яростью и порывистостью. Всех и сразу, а себя – всё равно больше. Он ведь хвалился собственной силой, властью. Принимал их как данность, милостиво позволяя преклоняться и почитать. Вот только, как всегда и бывает, когда оно было так необходимо, оказалось, что ему и предложить-то нечего. В обмен на дорогую ему жизнь. Не-че-го.

Хаос хрипло хохотнул. Ветер взъерошил длинные пряди, сменившие глубокий чёрный цвет на цвет лунного серебра. Ощущать себя беспомощным было нелепо. Как и признавать своё поражение. И, протестуя против всего этого, он вдребезги разнёс свой дом, поставив на дыбы все Пределы Грани и только чудом не уничтожив их полностью.

Хотелось. Очень. До дрожи в руках. Но, стоя среди руин и глядя обезумевшим взглядом на медленно оседающий пепел, Хаос прекрасно осознавал, что это не имеет смысла. И улыбнулся. Впервые за долгое время. Страшно и жутко. Grimаса, пропитанная болью и горечью, мало напоминала улыбку. Больше она походила на оскал хищника, потерявшего всё, ради чего стоило жить.

Конечно, это было не так. Только кому от этого легче? Он всё равно продолжал ждать, раз за разом разочаровываясь в своём ожидании. Чувство надежды становилось кислотой, разъедающей изнутри, а знакомые пальцы так и не тронули его за плечо. Но Хаос ждал... прекрасно зная, что этого не будет. Больше – нет. Его дитя сгорело, в последний раз и навсегда.

Тихие шаги почти заглушил тягучий песок. Чужое присутствие мужчина отметил лишь краем сознания, даже не повернув голову в сторону незваного визитёра. А гость устало вздохнул и уселся рядом с ним, пристроив на коленях потёртую сумку. Светлые волосы, собранные в простую косу, он перебросил через плечо.

– Здравствуй, дядюшка, – прошелестел Хаос, уставившись на горизонт и вновь пересыпая песок из ладони в ладонь.

– Здравствуй, – отозвался Авалон.

Смерив сгорбившуюся фигуру племянника оценивающим взглядом, он спустил сумку с колен, поставив на них локти, сложил руки домиком и пристроил подбородок на скрещенные пальцы.

Хаос не сразу обратил внимание, что единственный родственник, которого он терпел, изменился. Нет, это не было чем-то глобальным, но тому, кто слишком хорошо знал, кто такой Авалон и с чем его едят, не составило труда понять, в чём дело.

– Значит, ты отдал трактат, – тихо хмыкнул Хаос.

– Мне он не нужен, а им... – Авалон сделал паузу, наблюдая за бушующей вокруг бурей, – им он ещё пригодится.

– И город отпустил с жителями...

– Они не виноваты в моём эгоизме. – Древний на мгновение прикрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то, и улыбнулся: – Это забавно... но я только сейчас понял, как глупо пытаться насильно привязать к себе. Нет, это был их осознанный выбор, не спорю. Но он не принёс счастья. Ни им, ни мне.

Хаос на это ничего не сказал, продолжая смотреть вдаль. Сгорбившись, он старательно давил кипевшую в глубине души зависть. Едкую, разъедающую и бессильную.

– Её нет, – наконец выдал он, закрыв ладонями лицо. – Её просто больше нет...

– Знаю, – вздохнул Авалон, качнув головой.

О конфликте сестры и брата знали все. О том, какую цену пришлось платить упрямому нелюду, – единицы. О том, стоит ли оно того...

Стихий хмыкнул. Если Ёфи надеялась, что он простит и забудет, то ошиблась. Чем-чем, а всепрощением Хаос не страдал. Никогда.

– Почему? – Вопрос прозвучал по-детски наивно, сорвавшись с языка до того, как мужчина успел его прикусить. И, сглотив, он всё же добавил: – Почему – она?

– Это был её выбор, Хаос. – В голосе родственника горькой нотой звучало сочувствие.

Он осторожно коснулся напряжённого плеча племянника, пытаясь поддержать его, но тот дёрнулся, скидывая ладонь.

– Она могла меня позвать. – Тонкая молния прочертила светлое небо, ударив в песок. Он оплавился, превращаясь в искрившееся на солнце стекло. Хаос на это не обратил никакого внимания, уставившись на сцепленные в замок пальцы. – Она просто могла позвать меня и...

– И что, Хаос? – Авалон был всё так же спокоен. Он улыбался, печально и понимающе. Но больше попыток прикоснуться к племяннику не предпринимал. В отличие от большинства он прекрасно представлял, какие могут быть последствия. – Что это изменило бы? Ты не всемогущ, племянник, увя.

– Я...

– Хватит, Хаос. – Тихо вздохнув, Авалон опёрся о его плечо и поднялся. Отряхнув песок, он проговорил с нажимом: – Отпусти её. И пожалуйста, вспомни наконец, что у тебя есть о ком, кроме неё, заботиться. Так будет лучше. Для всех.

– Для всех... – чуть помедлив, повторил мужчина, сжимая пальцы так, что побелели костяшки. – Для всех... Для всех? А для меня?! Нет, Авалон, я не хочу... Не хочу и не могу!

– У тебя нет выбора. – Древний покачал головой, взъерошив тёмные волосы на макушке племянника. – Смирись, Хаос. Смирись и живи дальше. – И, не обращая внимания на тяжёлый, пронизанный ненавистью взгляд, жёгший его спину, мужчина неторопливо ушёл. Не обращая внимания на продолжавшую бушевать бурю. Оставив Хаоса один на один с холодной пустотой в душе и непониманием, что делать дальше, как жить.

Опустив голову, нелюдь закрыл глаза, спрятав лицо в ладонях. Он сам себе напоминал заправского мазохиста, всё время цепляющего тонкие нити связи, соединявшего стихия и его семью. Разноцветные, вибрирующие, поющие каждая свою, уникальную ноту.

Вот тёмно-алая. Она тёплая, живая, так и льнёт к рукам, опутывая с ног до головы и согревая. Она тянулась к Сэмире, отражая всё то, что происходило в душе его дочери. Та по-прежнему улыбалась и смеялась, казалась беззаботной и прежней. Но Хаос точно знал, видел, как чёрные пятна боли разъедали её изнутри.

Рядом тускло светила белёсая нить, колючая, как ёжик, похожая на шаровую молнию. С Астой не было легко. Ни тогда, ни сейчас. Теперь же она и вовсе доводила своими выходками окружающих до безумия. И мало кто мог разглядеть за всем этим отчаянную попытку спрятаться от собственных чувств и эмоций.

Неосознанно он потянулся к этим нитям, коснувшись их мысленно, и криво улыбнулся в ответ на тихий перезвон, отдающий нежностью и заботой. И обратил внимание на другую нить, нежно-фиолетового цвета. Она связывала одного из первых Древних с ещё одним человеком. Ну... или почти человеком. Ниилу он нашёл случайно. Наверное, сама матушка озаботилась, раз обычная прогулка по закоулкам Аранеллы привела стихия в заснеженный лес и буквально ткнула носом в маленького ребёнка. Правда, что бы там Судьба ни задумывала, Хаос явно обломал ей все планы. И с гордостью называл мелкого, вредного демонёнка своей дочерью. Глупым детёнышем, который во всём винил лишь себя. Запершись в оружейной мастерской, она ушла с головой в работу и не желала контактировать с окружающим миром. Она думала, что так ей будет проще пережить потерю.

Ещё одной, тёмной полоской тянулась чернильно-чёрная нить. Коснувшись её, Хаос рвано выдохнул, ощущая тепло и поддержку. Они ослабляли бушующую в душе ярость, сглаживали острые углы ненависти и напряжения. И связывали крепкими узлами с Авитмиль. Покровительница двуипостасных пришла в этот мир неизвестно откуда и непонятно зачем. Но Хаос не жалел об этой встрече. Она оставалась рядом, не пытаясь вмешаться или остановить разбушевавшегося стихия. За это Хаос ценил её ещё больше. И любил так, как мог, – сильно и безудержно. Хотя куда уж сильнее?

Сердце кольнуло острой иглой печали и щемящей тоски. Чужой, не принадлежавшей мужчине. Стихий на это только украдкой вздохнул, невесомо коснувшись нити из чистого золота. Она была самой тонкой, слабой и едва ощутимо вибрировала от напряжения. Один маленький дракончик цеплялся за то, что всегда было неизменным в его жизни, за невыносимого и вечно ленивого деда. И тянулся к нему, наплевав на все расстояния и запреты.

Печальная улыбка, полная нежности, скользнула по лицу мужчины. Почти мгновенно сменившись настороженностью и удивлением. Хаос нахмурился, резко вскинувшись, и распахнул глаза, уставившись вдаль. Недоумённо моргнув, он снова потянулся к нити, связавшей его и сына Кораны. Затем ещё и ещё. Он трогал, дёргал её. И, не веря, смотрел, как нить множится и двоится. Как она тянется куда-то, обрастая новыми тонкими связями. И заканчивается в одной ей ведомой точке... Зато какой!

Сердце дрогнуло, пропуская удар. Бушующая вокруг буря застыла, осыпавшись мелкими песчинками. Стихий же, всё ещё не веря, снова коснулся этой новой, очень хрупкой нити, с нежностью и невероятной бережностью. И рассмеялся, выпрямившись и откинув голову назад. Легко, искренне, наконец чувствуя, как его отпускает давно скопившееся напряжение.

Яркое солнце на чистом синем небе слепило глаза. Выступившие слёзы текли по щекам, на что Хаос не обращал никакого внимания. То, что он узнал, с лихвой перекрывало всё остальное. Ну, кто, кто бы мог подумать!..

– Ня! – Громкий, недовольный возглас заставил мужчину вздрогнуть от неожиданности. И обратить внимание на шур'шуна, усевшегося неподалёку от него и уставившегося на своего хозяина с самой недовольной из всех возможных морд. Ещё и хвостом мёл из стороны в сторону, поднимая клубы песчаной пыли вокруг себя.

– Иди сюда. – Хаос широко улыбнулся, похлопав по коленям.

Шуршик презрительно фыркнул, поведя ушами, и неторопливо забрался на предложенный насест, тут же перевернувшись на спину и требовательно пнув хозяина лапой в живот. Дабы тот уделил собственному фамильяру больше времени.

Хаос фыркнул, запустив пальцы в длинную густую шерсть. Шур'шун зажмурился, разразившись низким, басовитым мурлыканьем. И изогнулся, подставляясь под ласковые пальцы хозяина.

– Паршивец, – усмехнулся Хаос, поднялся, позволив любимцу зацепиться когтями за рубашку и забраться ему на плечи, где Шуршик устроился, уткнувшись холодным носом в щеку хозяина.

От него фонило таким самодовольством, что стихию оставалось только покачать головой. Мелкий зверёныш каким-то чудом всё знал и ждал, когда до самовлюблённого нелюдя всё дойдёт. Теперь вот дулся от гордости, продолжая громко мурлыкать, впиваясь острыми коготками в плечо.

– С тобой всё ясно, пушистое ты нечто. – Шуршик довольно някнул, лизнув мужчину в щеку. И заурчал ещё громче, когда тот погладил мягкие, шелковистые ушки зверька. – Идём домой, чудо...

Засунув руки в карманы брюк, Хаос неторопливо спустился с бархана. Серая, безжизненная пустыня стремительно менялась, обретая очертания выкорчеванного, некогда цветущего сада с полуразрушенным домом из тёмного камня в центре. Восстанавливать его у стихия не было ни желания, ни времени. Во всяком случае, раньше не было, а теперь он точно знал, что и как нужно сделать. И уже просчитывал, как всё успеть до того, как порог переступит кто-то очень важный.

Прожжённая местами дверь распахнулась до того, как он нажал на ручку, собираясь войти. Стоявшая на пороге женщина в простой домашней одежде скрестила на груди руки, смерив блудного скитальца настороженным взглядом. Кисточки бахромы широкого алого пояса касались босых ступней, выглядывающих из-под полы длинной чёрной юбки. Всё портила настороженность и подозрительный прищур, но Хаос солнечно улыбнулся, сделав шаг вперёд и чмокнув свою спутницу в лоб:

– Я дома.

Авитмиль привстала на цыпочки, коснувшись носом его подбородка, и резко втянула воздух. После чего отступила на шаг, пропуская мужчину в дом, и тихо пробормотала:

– Что-то случилось.

– Возможно, – легкомысленно пожал плечами мужчина, направляясь на кухню.

– Но ты не расскажешь, – с вкрадчивыми нотками заметила женщина, следуя за ним по пятам.

Хаос притворно вздохнул и остановился, повернувшись к ней и сев на край кухонного стола. Опёршись ладонями на его край, он склонил голову набок, разглядывая Авитмиль. Если верить канонам красоты, она могла претендовать разве что на звание симпатичной. Средний рост, тонкое телосложение. Острый подбородок, прямой длинный нос и смуглая кожа в комплекте с высокими скулами и кошачьим разрезом глаз делали внешность экзотичной. Она выделялась, но при этом была обычной. Хотя недооценивать её было очень и очень небезопасно.

– Не-а, – насмешливо фыркнул стихий, укоризненно посмотрев на неё. – Это будет не так интересно.

– Ты что-то узнал... – чуть помолчав, задумчиво протянула Ави, подойдя к нему вплотную. Ухватила пальцами за подбородок, внимательно разглядывая слишком уж довольную рожу нелюдя.

Шур'шун недовольно зафырчал. Авитмиль шикнула на него, и тот, продолжая фырчать, спрыгнул на стол. А женщина наклонилась вперёд, снова глубоко вдыхая запах. Закрыв глаза,

она замерла, что-то обдумывая. Хаос чуть ли не физически ощутил, как натянулась та самая нить, что их связывала, и, широко улыбнувшись, потёрся носом о её нос, позволив узнать всё, что узнал сам.

Ави охнула, удивлённо распахнув глаза и глядя на него. Отступила на шаг, прижав подрагивающие пальцы к губам, и тут же бросилась вперёд и обняла Хаоса за шею, прижавшись к нему всем телом. Стиснула сильнее, расхохотавшись так же легко и беззаботно, как и нелюдь не так давно.

– Боги! – Подняв голову, она широко улыбнулась, коротко поцеловав мужчину. – Боги, теперь всё будет хорошо! Наконец-то...

– Ага. – Хаос обнял её за талию, уткнувшись носом в тёмные волосы.

– Ты им расскажешь?

– Не сейчас, – поморщился он, снова потёрся носом о её нос и пояснил: – Ещё не время. Знаю, что они имеют право знать, но...

– Упрямый ты нелюдь! Им же больно!

– Знаю...

– Тогда какого грёбаного... – начала было возмущаться Авитмилъ. Но умолкла под пристальным взглядом чёрных глаз. – Боги, что ты задумал, нелюдь?

– Ави. – Обхватив её лицо ладонями, мужчина твёрдо повторил: – Ещё не время. Просто поверь мне, ещё совсем не время.

– Не время?

– Не время.

– Хорошо, – вздохнув, нехотя кивнула Авитмилъ, соглашаясь. И хмыкнула, покачав головой: – Я всё-таки надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Не сомневайся. Я когда-нибудь тебя подводил? – притворно обиделся мужчина и сдавленно охнул, получив чувствительный удар в живот: – За что?!

– Чтобы не расслаблялся, чудовище, – фыркнула Авитмилъ и, выпутавшись из его объятий, вышла из кухни.

Хаос потеряв пострадавшее место, сощурился, сделав пометку обязательно ей отомстить, и огляделся по сторонам, пытаясь вспомнить, когда в последний раз видел свою книгу рецептов. Душа требовала деятельности, а что может быть лучше, чем приготовить подарок для собственного ребёнка?

Всё лучше, чем сидеть и ждать, когда же она соизволит вспомнить о своём бедном старом отце. Нет, ну ладно, книга под мойкой, а поварёшку-то куда засунули?!

Отступление. О Внезапных визитах и их последствиях

Пределы Грани. Дом Хаоса

Говорят, беда не приходит одна. Особенно если эта беда – решивший на радостях заняться готовкой мужчина. Обаятельный, привлекательный, даже притягательный. Не лишённый харизмы и определённого очарования. Единственный и неповторимый Хаос.

Опять-таки единственным недостатком которого была излишняя лень и огромное самолюбие. И по причине второго, с добавлением первого, некогда чистая просторная кухня сейчас напоминала поле ожесточённого боя. Где в неравной схватке сошлись два сопоставимых по силе противника: рецепт королевского варенья из крыжовника и, собственно, сам владелец дома.

Борьба шла с переменным успехом. И, судя по продолжительности сопротивления сторон, грозила затянуться надолго. На потолке уже виднелись чёрные пятна копоти, плита щеголяла боевой раскраской самых диких, вырви-глазных оттенков, а количество испорченных котелков, висевших в углу, грозило скоро погresti под собой горе-кулинара.

Хаос стоял у плиты в переднике, покрытом боевыми подпалинами и сажей, задумчиво почёсывая затылок. На сильном огне весело, но опасно булькало странное варево, по описанию больше смахивающее на неудачный эксперимент начинающегося алхимика. К тому же страдающего если не косоглазием, то тугодумием, раз не сумел с первого раза правильно прочитать рецепт.

– Надо же, как интересно получилось... – Хаос озадаченно потёр лоб, в который раз сверяясь с кулинарной книгой. – Хм, может, всё-таки зря я добавил плоды ядовитого плюща? Нет, они, конечно, похожи на грецкий орех, но, видимо, по свойствам с ним не сравнятся... – В который раз посмотрев в котёл, а затем в книгу, стихий издал ещё одно задумчивое многозначительное «хм».

И решительно вылил в помойку содержимое норовившего взорваться котелка, отправив его к предшественникам. Сто первая попытка сварить лакомство провалилась так же, как и все остальные. Только вот Хаос не собирался сдаваться, а уж времени и упрямства у него хватило бы на троих. Тем более когда на кону стояла улыбка любимой, пусть и приёмной дочери.

Вытерев половник о несчастный передник, мужчина привычным жестом заложил его за пояс и принялся придирчиво отбирать ягоды для новой порции варенья. Вредные саламандры, угрожающе шипя, пытались отвоевать свою законную территорию дома, грозясь сжечь его ко всем упырям, если хозяин не прекратит издеваться над кухней. Однако, заработав пинок в сторону очага, дружно шмыгнули в печь, предпочитая оттуда ехидно комментировать кулинарные потуги стихия. А те оставляли желать лучшего... во всём, что касалось сладостей, кондитерских изделий и консервирования. Особенно консервирования. Но Хаосу на это было наплевать точно так же, как и на то, что до возвращения Кораны это самое варенье (коли он его вообще сварить сумеет) благополучно съедят. К этому варианту развития событий он относился с долей философии... Ведь надо же на ком-то опробовать лакомство! И только после этого, если подопытный окажется жив, можно будет и Кору угостить, и Дэни баночку сунуть.

Очередные ягоды отправились в чистый котёл. Сыпанув сверху сахару и немного корицы, Хаос принялся методично мешать смесь, ожидая, пока она закипит, и втайне прося свою счастливую звезду, если таковая вообще имеется, перестать поворачиваться к нему тылом и наконец продемонстрировать своё лучезарное личико. В конце концов он не так уж много просит. Всего лишь возможность сварить варенье в первый и, вероятнее всего, последний раз за свою долгую ленивую жизнь!

Только не зря говорят: беда не приходит одна. И в тот самый миг, когда он стоял перед нелёгким выбором: бросить в закипающую смесь горсть гвоздики или нет, наверху что-то грохнуло, брякнуло, матюгнулось... И на застывшего от неожиданности, застигнутого врасплох стихия из открывшегося внезапно портала рухнуло громко ругающееся, икающее, обдавшее распластавшегося на полу Хаоса отменным перегаром и излишне пернатое нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся слишком уж знакомым ему эр-ханом... в совершенно неподобающем состоянии!

– Едрит твою кочерыжку... – выдавил придавленный немалым весом мужчина, стараясь понять, каким макаром это вообще оказалось на его кухне. Что через портал, это и ёжикам понятно. Что с помощью кого-то – и к гадалке ходить не надо! Вопрос был только один: у кого хватило сил, наглости и нахальства совершить такой финт ушами?!

Между тем насквозь проспиртованное тело признаков жизни не подавало и слезать с облюбованного места не собиралось, крепко прижимаясь к мужчине. И словно этого было мало, на плите рванул очередной котёл, окрасив и без того потемневший потолок ещё одним чёрным пятном.

Саламандры в очаге ехидно защёлкали, танцуя победный танец. И даже не думая устыдиться своего злорадства в отношении хозяина, когда тот показал им кулак. Хаос только зубами заскрежетал, в который раз проклиная тот день, когда заключил контракт с этими чудовищами.

И что его тогда дёрнуло брякнуть во всеуслышание: «Какие милые ящерки»? Кто ж знал, что именно этой фразой он свяжет себя и сию обнаглевшую и охамевшую вконец банду?!

– Слушайте, господин эрхан, а не слезть бы вам? – пропыхтел Хаос, пытаясь спихнуть с себя хмельного, напившегося до синих гномиков (и кому только виделось такое безобразие-то?) гостя. Пернатый пьяница двигаться с места не пожелал, обхватив хозяина дома и стискивая его в железных объятиях. – Господин Эристай, поймите если не разум, то хотя бы чью-нибудь совесть! И слезьте с меня наконец!

– Ась?! – Тело вздрогнуло, сжало крепче стихия в объятиях и счастливо пробормотало, обдав гремучей смесью перегара: – Ни... солнышко моё крылатое... Я так по тебе скучал! Я так тебя люблю! Не сбегай больше, моя красавица...

– Да ну на фиг! – Вытаращившись на незваного гостя, Хаос с минуту переваривал озвученные комплименты.

С одной стороны, ему льстило, что его сочли красивым и даже любили. С другой – напрягало, что такие признания делал пьяный нелюдь, к тому же одного с ним пола. Да ещё и умудрившись каким-то образом перепутать его с девушкой! Нет, он, конечно, осознавал, что симпатичен, обаятелен и привлекателен. Но не настолько же!

– Я так виноват, так виноват...

– Господин Эристай...

– Я так по тебе скучал! Дай я тебя поцелую!

– Эристай, чтоб тебя упыри крепко обняли и понадкусывали! Слезь с меня немедленно!

– Ну, лапочка, ну, не ругайся... У меня головка бо-бо...

– В ротике кака, а мозги улетучились в тот самый момент, когда ты впервые согласился выпить! Но будь любезен, сними с меня свою отягощённую алкоголем тушку и покинь мой дом! – Тут Хаос ощутил то, что ввергло его в состояние лёгкой степени охренения. Постепенно усиливающейся до того момента, пока стихий просто-напросто не заорал, прямо в ухо гостя: – Ты ещё и лапаешь меня, пьянь подзаборная?! В каком месте я тебе на девушку похож, Эристай?! А ну убрал лапы! – И с этими словами эрхану прилетело. В лоб. Поварёшкой, которую, извернувшись, Хаос умудрился-таки вытащить из-за пояса, чтобы от души, со всей щедростью врезать ею по твёрдой поверхности, именовавшейся головой лучшего шпиона Сайтаншесса.

Звон стоял... Колокола от зависти ржавеют! Но чудодейственность такого приёма нельзя отменить. Распластавшийся на стихии мужчина соизволил оторвать буйную голову от груди оного и встретиться взглядом с потемневшими от сдерживаемого желания прибить эту пьянь глазами хозяина дома. После чего икнул, мигнул и расплылся в радостной улыбке:

– Ла-а-а-почка моя! Дай я тебя поцалую!

– Не дам, – резко откликнулся Хаос, решив повторить опыт и вновь врезать по голове Сайтоса половником. И пока жертва собственной любви к спиртному пыталась отойти от удара, умудрился столкнуть демона с себя на пол и подняться на ноги. Продолжая ворчать себе под нос:

– Охренели они там. В корень. Вконец. В... Да чтоб к ним писец полярный на пару столетий в гости припёрся! Чтоб им жить было весело и не скучно в компании вечного закона подлости! Да чтоб...

– Эм... А где я?! – раздался робкий голос с пола. Глянув на недоумённо моргающего гостя, потирающего лоб, Хаос не выдержал и приложил его снова. В третий раз. На счастье. И явно удачно, потому что Сайтос вскрикнул, икнул и выдал, выпучив глаза от изумления: – Хаос?!

– Нет, – категорично откликнулся стихий, скрестив руки на груди и гневно взирая на эрхана. – Я та милая девица на выданье, которой ты в любви признаваться изволил. И знаешь что? – Язвительность в голосе Хаоса можно было черпать ковшом, и то не факт, что получится вычерпать. – Я согласен!

– На что?!

– На свадьбу, конечно! – показательно удивился такому невежеству стихий и, прижав руки к груди там, где билось сердце, томно вздохнул: – Я мечтал об этом... всю свою жизнь! Я уже вижу нашу церемонию! Я – весь в белом... Ты – весь в зелёном... Повелительница рыдает, Повелитель роняет скупую слезу... Аста тискает Танориона, Сэмира оплакивает мою свободу и невинность на плече своего тёмного эльфа... А Дэни будет тащить мой шлейф! Слышишь, Эристай? Костюм обязательно с длинным шлейфом! Иначе не соглашусь и в наряде невесты будешь ты!

– Я... Я не хочу! – Видимо, медленно, но верно алкоголь покидал головушку демона, и до него начинало доходить, где он и с кем. – Я это... Я случайно!

– Ничего не знаю! – категорично откликнулся Хаос, испытывая злорадную радость при виде, какие муки отражались на лице Сайтоса.

Тому было и стыдно, и себя жалко, и смешно, и по-прежнему ещё пьяно... Но больше всего ему хотелось оказаться как можно дальше от вредного злопамятного стихия, сейчас наслаждавшегося мучениями своей внеплановой жертвы. А нечего было пить, предлагать сомнительные идеи и мешать Древнему варить королевское варенье! За последнее было обидно больше всего. И прощать испорченный сто второй вариант Хаос не собирался!

– Но...

– Ты меня лапал? Лапал. В любви клялся? Клялся. Лапочкой называл? – Каждое слово подкреплялось взмахом половника, отчего Сайтос вжимал голову в плечи и старался отползти подальше, дабы не попасть под удар.

Правда, далеко сбежать у него не вышло, он упёрся в стену. А способностью просачиваться сквозь каменную кладку пока ещё овладеть не успел, о чём чрезвычайно остро сожалел в данный момент, глядя на воодушевлённо дирижирующего кухонной утварью Хаоса, продолжавшего нести в массы вечное, светлое, разумное... В смысле, рассуждать о том, сколько причин имеется у резко трезвеющего эрхана для женитьбы на самом единственном и неповторимом Древнем.

– Так что, господин главный шпион Сайтаншесса, – угрожающе навис над Сайтосом Хаос, хмурясь и сурово сдвинув брови, – извольте исправить нанесённый моей невинности и чести урон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.